ВСТРѢЧИ НА ЖИЗНЕННОМЪ ПУТИ.

ЮДИ ИЗВѢСТНЫЕ, или выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ, представляются большею частію не такъ какъ обыкновенные: они сами себя и ихъ другіе иначе не показываютъ, какъ съ высоты подножія и въ праздничномъ убранствѣ. Отъ этого получается такое впечатлѣніе, какъ будто всѣ они однимъ мvромъ мазаны. Подойти къ нимъ поближе, когда они стоятъ просто, и на полу, какъ всѣ (а стоятъ они совершенно такъ же какъ всѣ, и на полу), побудничному одѣтые, не показывая себя и даже не подозрѣвая, что на нихъ смотрятъ, — было бы занимательнѣе. Во-первыхъ, люди необыкновенные сдѣлаются болѣе похожими на людей, а во-вторыхъ вблизи лучше видно, что не все то золото, что блеститъ, какъ и не все черно, что не представляется бѣлымъ...

Я имѣю доброе намѣреніе — подходить къ людямъ поближе и разсматривать ихъ попристальнѣе, хоть и не скрываю отъ себя, что намѣреніе мое, оставаться добрымъ, можетъ оказаться недостигнутымъ...

I.

Егоръ Петровичъ Ковалевскій.

Въ ряду моихъ житейскихъ встрѣчъ, первою по времени выходящею изъ ряда обыкновенныхъ была встрѣча съ роднымъ моимъ дядею Егоромъ Петровичемъ Ковалевскимъ.

Имя это, теперь забытое, пользовалось, между концомъ тридцатыхъ и шестидесятыхъ годовъ, извѣстностью въ высшемъ служебномъ, литературномъ и одно время дипломатическомъ мірѣ. Можетъ быть, такимъ успѣхомъ оно отчасти было обязано счастливой случайности, подобно тому, какъ актеръ благодарной роли; но когда видишь, сколько очень счастливыхъ случайностей и самыхъ благодарныхъ ролей проходитъ мимо людей безслѣдно, то поневолѣ станешь искать еще чего-то. И вотъ именно этимъ «еще чѣмъ-то» и былъ надѣленъ отъ природы Егоръ Петровичъ. У насъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо достается человѣку брать врожденными способностями, гдѣ нужны познанія, какъ солдату штыкомъ, гдѣ требуется правильная осада.

Егоръ Петровичъ принадлежалъ къ такимъ людямъ. Познанія ему доставилъ харьковскій университетъ; но эти познанія были совсѣмъ не тѣ, съ какими ждало его служебное поприще; служебное же поприще оказалось опять не тѣмъ, на которомъ ему суждено было проявить свои дарованія. Съ курсомъ философіи въ головѣ, — потому что его помѣстили на квартирѣ у профессора, читавшаго философію—онъ очутился передъ лабиринтомъ сибирскихъ рудниковъ, потому что старшій братъ его былъ главнымъ горнымъ начальникомъ въ Сибири,—а изъ невѣдомаго ему міра рудниковъ прямо и неожиданно попалъ въ столько же невѣдомый міръ дипломатіи, потому что того захотѣлъ случай.

Я еще смутно помнилъ голубой воротникъ студента на блѣдномъ, крестившемся на образа, Егорѣ Петровичѣ, пріѣзжавшемъ къ бабушкѣ—его матери—въ деревню изъ Харькова, когда мнѣ довелось его увидѣть съ краснымъ кантикомъ горнаго чиновника, пріѣхавшаго изъ Сибири.

Бабушкина семья въ полномъ сборѣ сидѣла за ужиномъ; вдругъ на дворѣ зазвенѣлъ почтовый колокольчикъ.

— Егоръ ѣдетъ! — закричали всѣ въ одинъ голосъ и бросились изъ столовой на крыльцо.

Раздались возгласы, поцѣлуи, даже плачъ (это бабушка заплакала отъ радости), и въ столовую ввели за руки худощаваго молодого человѣка, средняго роста, съ свѣтлыми, необыкновенно пріятнаго выраженія глазами и женски-мягкими чертами лица и пріемами. Говорилъ онъ высокимъ, пѣвучимъ, но громкимъ голосомъ, неожиданно вскрикивая, когда оживлялся, а когда смѣялся, то какъ-то особенно захлебывался. Домъ наполнился разомъ и этими вскрикиваньями и захлебываньемъ. Даже намъ, дѣтямъ, отъ пріѣзжаго дяди, стало веселѣе. Довольно было того, что онъ тутъ же, изъ-за ужина, прокатился на мнѣ и на моемъ братѣ верхомъ по комнатамъ...

Скоро Егоръ Петровичъ уѣхалъ, но на его мѣсто пришли по почтѣ двѣ тоненькія книжечки, и хоть онѣ были очень тоненькія, но наполнили собою также весь домъ. Ихъ читали, о нихъ гово-

рили, съ ними носились, какъ съ благословеннымъ плодомъ, выращеннымъ въ воздухѣ этого самаго дома. На одной изъ книжекъ было крупно напечатано: «Сибирь. Думы. Стихотворенія Е. К.». Въ домѣ произносилось просто: Сибирьдумы, какъ одно слово.

Болѣе другихъ цѣнили стихотвореніе, обращенное непосредственно къ этому самому дому, именно строки:

«Вотъ знакомое крыльцо, балконъ.
«Вамъ, мои друзья, поклонъ!»

Избыткомъ чувства восполнялся недостатокъ риѳмы.

Вторая книжка носила названіе: «Марѳа, посадница Новгородская, или славянскія жены. Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, Е. К.». И была она посвящена Озерову. «Великій! твой даръ, твои страданія...» — такими словами начиналось посвященіе. Изъ этой трагедіи мы дѣти (я съ сестрою) разыгрывали сцену князя Холмскаго съ какою-то Ксеніею. Историческая вѣрность требовала, чтобы моя курточка была скрыта, и потому на меня надѣвалась кацавейка одной изъ тетушекъ, обшитая мѣхомъ. Съ высокаго роста кацавейка превращалась въ боярскій охобень. На головѣ у сестры фата замѣнялась тюлевымъ шарфомъ. Выходили мы изъ-за ширмъ бабушкиной спальни — Холмскій съ одного конца половинокъ, Ксенія съ другого. Холмскій, выпрастывая руку изъ-подъ кацавейки, произносилъ на распѣвъ:

— «Ахъ, Ксе-нія! то не меч-та-аль?»

Ксенія освобождала лицо изъ-подъ шарфа и отвѣчала:

— «Другъ ми-и-лый!»

Дѣло кончалось тѣмъ, что Ксенія падала на полъ, а Холмскій скрывался за ширмы. Но такъ какъ Ксенія одинъ разъ ушиблась, то падать ей потомъ дозволялось только на кровать. Это не мѣшало растрогивавшейся до слезъ бабушкѣ видѣть въ своихъ внукахъ достойныхъ истолкователей великаго произведенія любимаго сына...

Знало ли человѣчество о существованіи наивныхъ книжечекъ, или онѣ обречены были пожелтѣть гдѣ-нибудь на полкахъ книжной лавки, пока не пошли на обертки въ лабазъ, и только въ старомъ наслѣдственномъ дворянскомъ гнѣздѣ оставили по себѣ слѣдъ чего-то свѣтлаго, непохожаго на его сѣренькую вседневность,—кто на это отвѣтитъ?

Зато, если не человѣчеству, то и не одному русскому обществу суждено было узнать довольно скоро объ ихъ авторѣ, хотя на совершенно иномъ поприщѣ, къ которому онъ никогда не готовился, и уже позднѣе, попутно, на литературномъ, съ котораго онъ началъ.

Случилось это совсѣмъ неожиданно.

При послѣднемъ духовномъ правителѣ Черногоріи (Владыкѣ Петрѣ Нѣгожѣ), въ концѣ тридцатыхъ годовъ, возникла мысль: поискать, нѣтъ ли въ этой богатой только безшабашнымъ муже-

ствомъ Черной Горѣ кстати и золота? Понадобился горный инженеръ. А гдѣ же, кромѣ Россіи, могли быть въ то время и горные инженеры, и все что надобилось славянину? И вотъ, въ качествѣ новаго Аронавта, командируется, надѣвшій уже эполеты, капитанъ корпуса горныхъ инженеровъ Ковалевскій [1]).

Но командировался-то онъ искать золото, а нашелъ войну, — и пускай бы еще съ Турціей (безъ этого нельзя было и представить себѣ Черногорію), а то съ Австріей, съ которою, какъ водится, мы состояли въ самой закадычной дружбѣ.

— Ты посланъ отъ русскаго царя! — обратились добродушные разбойники Черной Горы къ человѣку, который былъ дѣйствительно посланъ, но совсѣмъ не затѣмъ, зачѣмъ они полагали,—веди насъ на австріяковъ! Австріякъ католикъ и врагъ намъ, значитъ врагъ и твоему царю. Вотъ тебѣ ружье, вотъ тебѣ пистолеты, а вотъ кинжалъ: бери и иди на австріяковъ!

Какъ ни лестно было въ чинѣ капитана, да еще не настоящаго, а больше только для шутки, сдѣлаться главнокомандующимъ, какъ ни байроновски романтично было приключеніе и какъ ни молодъ былъ капитанъ,—однако же и онъ усомнился въ своемъ правѣ поступить такъ, какъ отъ него требовали. Пришлось Владыкѣ, который въ одно и то же время былъ митрополитъ и поэтъ, воинъ и просвѣщенный монахъ, пустить въ ходъ свое краснорѣчіе и несомнѣнную обаятельность своей особы, чтобъ убѣдить пріѣзжаго въ совершенной невозможности для русскаго, да еще офицера, не поспѣшить взвалить на плечо ружье, и не пуститься въ горы, вмѣсто золота, которое не уйдетъ, за австрійцами, которые какъ разъ удерутъ, покуда тутъ разсуждаютъ.

Взваливъ на плечо длинный самострѣлъ, одѣлся въ алую албанскую куртку, бѣлую тунику и черногорскую красноверхую шапочку, заткнулъ за поясъ пистолеты и кинжалъ мирный искатель золотой руды и пошелъ карабкаться съ горстью головорѣзовъ по стремнинамъ и вдоль горныхъ ручьевъ, уже не за рудою, а за австрійскими солдатами, которые дали заманить себя въ такія трущобы, гдѣ только дикая коза да черногорецъ умѣютъ на ногахъ держаться. Тутъ ихъ, разумѣется, сколько успѣли, перебили, а живыхъ забрали въ плѣнъ, въ томъ числѣ и офицеровъ, и принялись ставить висѣлицы.

— Вѣшай всѣхъ!! — кричали своему фельдмаршалу побѣдители,— и веди дальше!

Но не было нужды быть въ самомъ дѣлѣ фельдмаршаломъ, чтобы сообразить, что вѣшать офицеровъ дружественной державы

---

[1]) Корпусъ этотъ былъ образованъ изъ бывшихъ горныхъ чиновниковъ, состоявшихъ при техническихъ занятіяхъ. Е. П. Ковалевскаго преобразованіе застигло на золотыхъ пріискахъ.

и переносить войну за горы, значило уже для себя готовить висѣлицы,—и молодой капитанъ сообразилъ это.

— Не поведу и вѣшать не позволю!—объявилъ онъ рѣшительно.

— Твой царь тебѣ не приказалъ?

— Мой царь не приказалъ, и вамъ не приказываетъ! Онъ приказываетъ заключить миръ.

Находчивость Е. П. одержала побѣду чуть ли не труднѣе уже одержанной. Войско поспорило и уступило на томъ, что офицеровъ, такъ и быть, оно для царя прощаетъ и на миръ для царя соглашается; только подписать его долженъ царевъ капитанъ,— иначе оно миру не вѣритъ.

— Подписывай, или веди впередъ! а не то пойдемъ и безъ тебя—только вотъ офицеровъ перевѣшаемъ.

Дѣлать было нечего: перекрестился царевъ капитанъ и скрѣпилъ приложеніемъ руки и герба своего печати мирный договоръ двухъ государствъ между собою. Напрасно фигура императора Николая, отъ имени котораго онъ дѣйствовалъ, передъ нимъ грозно возставала, съ сибирскими линейными батальономи, солдатскимъ ранцемъ и всѣмъ арсеналомъ строгостей того времени,—онъ скрѣпилъ, потому что не скрѣпить не могъ.... А тамъ—будь что будетъ!

Первый кто прочелъ въ Петербургѣ копію съ этого небывалаго въ исторіи международныхъ отношеній акта былъ министръ иностранныхъ дѣлъ Нессельроде, а доставилъ ему такое удовольствіе австрійскій посолъ, любезно потребовавъ кстати и полнаго удовлетворенія, которое должно было состоять въ оффиціальномъ порицаніи поступковъ русскаго офицера, какъ неприличныхъ и несогласныхъ съ добрыми отношеніями сосѣдей. Николай давать удовлетвореній не любилъ. Онъ остался недоволенъ. А тутъ еще, какъ на бѣду, темное до тѣхъ поръ имя маленькаго русскаго офицера иностранныя газеты разславили по всему свѣту и пуще усилили неудовольствіе государя: онъ и гласности не любилъ. Между тѣмъ виновникъ всѣхъ этихъ бѣдъ лишенъ былъ даже возможности личнымъ объясненіемъ съ ближайшимъ представителемъ русской власти — нашимъ посламъ въ Вѣнѣ — растолковать всю свою неповинность въ винѣ: предѣлы австрійской имперіи были строго охраняемы на всѣхъ заставахъ отъ попытки страшнаго капитана посягнуть своимъ появленіемъ на ея безопасность.

Какъ изъ этого выпутался Е. П., мнѣ разсказалъ, въ бытность свою представителемъ Россіи на вѣнскихъ конференціяхъ въ Крымскую войну, князь А. М. Горчаковъ, приблизительно въ такомъ видѣ:

«Я познакомился съ вашимъ дядюшкой самымъ неожиданнымъ и довольно необыкновеннымъ образомъ (разсказывалъ онъ). Проживалъ я тогда въ Италіи, неизвѣстный, въ опалѣ [1]). Это было

---

[1]) Повода къ опалѣ князя я не запомнилъ. Во всякомъ случаѣ онъ не изъ тѣхъ, чтобъ исторіи былъ нанесенъ ущербъ отъ невписанія его на ея скрижали.

давно—въ концѣ тридцатыхъ годовъ. А когда человѣкъ въ опалѣ, въ немъ никто не нуждается. Тѣмъ страннѣе мнѣ показалось, что ко мнѣ обратился вашъ дядя. Докладываютъ: «капитанъ Ковалевскій, имѣетъ передать просьбу»! Имя это я зналъ только изъ газетъ.—«Введите!» Вошелъ молодой человѣкъ, худенькій, нисколько не заносчивый, какъ можно бы ожидать, напротивъ самой симпатичной внѣшности, милыхъ пріемовъ—словомъ, знакомый намъ хорошо нашъ дорогой Егоръ Петровичъ! и съ полной откровенностью объявляетъ прямо, что пришелъ просить моего покровительства.—«Но у кого же я могу покровительствовать? Я самъ въ немъ нуждался бы, чтобъ выйти изъ моей опалы!» — У вашего дяди Татищева, нашего посла въ Вѣнѣ [1]). Ему одному я могу передать подробности той несчастной исторіи, въ которой я представленъ газетами государственнымъ преступникомъ и въ которой я дѣйствовать иначе не могъ. Я русскій, и я былъ связанъ моимъ именемъ русскаго. Что бы ни послѣдовало, я не раскаяваюсь въ томъ, что сдѣлалъ; я иначе былъ бы измѣнникомъ, а не русскимъ... Попробуйте быть на моемъ мѣстѣ, когда цѣлый народъ вамъ говоритъ: «Тебя послалъ русскій царь; мы его дѣти; онъ насъ защититъ, а ты защитить не хочешь!» Вашъ дядюшка говорилъ горячо, искренно (а это такъ рѣдко приходится слышать намъ, дипломатамъ!),—словомъ, прекрасно! Онъ увлекъ меня. Съ Татищевымъ я былъ въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ—ему я и опалою своею былъ обязанъ; но благородный молодой порывъ вашего дяди меня подкупилъ. Я взялся быть его ходатаемъ. — «Передайте мнѣ записку, если вы имѣете такую, или сообщите всѣ подробности, ничего не утаивая,—а ужъ я берусь изложить въ такой формѣ, въ какой это только и можетъ разсчитывать на успѣхъ. Вы понимаете, что записка должна быть прежде всего изложена на хорошемъ французскомъ языкѣ (en bon français)». Вашъ дядюшка владѣлъ ужъ и тогда русскимъ языкомъ какъ никто, но французскимъ онъ не обязанъ былъ владѣть. Это ужъ наше ремесло—notre métier à nous! Короче, записка была сдѣлана и послана, при письмѣ отъ меня, въ Вѣну — въ руки Татищева; а изъ Вѣны пошла, при письмѣ отъ Татищева—уже прямо въ руки государя.—«Le capitaine Kowalewsky a agi en vrai russe» — поставилъ на ней резолюцію Николай Павловичъ, и нашъ Егоръ Петровичъ былъ спасенъ.

— Эти слова историческіе,—прибавилъ разсказчикъ,—какъ и тѣ, которые государю угодно было обратить ко мнѣ, когда я удостоенъ былъ избранія на трудный постъ стража достоинства Россіи при нынѣшнихъ конференціяхъ. Пріѣхавъ въ Петергофъ, я просилъ у его величества напутствій и указаній, какъ должно мнѣ дѣйствовать.—«Ты русскій, и дѣйствуй, какъ тебѣ подскажетъ твое

[1]) Кажется, князь назвалъ Татищева своимъ дядей.

русское чувство. Другихъ указаній ты не получишь». Затѣмъ государь меня трижды перекрестилъ: «А вотъ тебѣ и напутствіе. Поѣзжай съ Богомъ»! У него были слезы на глазахъ; у меня они текли изъ глазъ.

Такъ заключилъ свой разсказъ Горчаковъ.

Я помню возвратъ Егора Петровича въ Петербургъ. Его встрѣчали, какъ человѣка спасшагося отъ кораблекрушенія. Тутъ же ему было передано, что государь желаетъ его видѣть лично и назначаетъ представленіе вечеромъ, особо. Для ничтожнаго капитана, даже не гвардейскаго, это была милость необычайная. Велѣно было привезти и маленькаго черногорца, Джуро Давыдовича, сына одного изъ сердарей Владыки, посланнаго при оказіи въ Россію просвѣтиться и просвѣтить собою Черную Гору.

Николай вышелъ изъ кабинета Аничковскаго дворца, гдѣ проживало царское семейство, послѣ пожара въ Зимнемъ, въ сюртукѣ безъ эполетъ, по домашнему. Слѣдомъ вышелъ Нессельроде, въ звѣздахъ. Можетъ быть, этому очень маленькаго роста, но большой хитрости человѣку и обязанъ былъ Е. П. милостивымъ вечернимъ пріемомъ, когда никого нѣтъ и оно не такъ замѣтно.

— Спасибо, Ковалевскій! Ты поступилъ, какъ обязанъ былъ поступить русскій. Иначе ты поступилъ бы дурно,—обратился онъ къ дядѣ.

А у черногорца спросилъ, въ какую службу тотъ хочетъ.

— Въ такую какъ капитанъ!—отвѣчалъ мальчикъ.

Его опредѣлили въ горный корпусъ, гдѣ онъ успѣлъ проявить сразу свои мускульныя способности въ борьбѣ съ товарищами, пристававшими къ нему какъ къ новичку даже сверхъ положенія.

— Джуро! скажи: много женъ у твоего Владыки? — дразнили его приставалы.

— Владыко жѣны не имѣетъ! — гремѣлъ черногорецъ и бросался тузить кого ни попало.

— Джуро! Джуро! А что, правда, что Владыка на пирожное ѣстъ жеванную бумагу?

— Владыко жеванной бумаги не ястъ!

Въ классахъ имъ травили нелюбимаго учителя нѣмецкаго языка.

— Джуро! вѣдь это австріякъ!

И Джуро кидался, скрежеща зубами, на учителя; съ трудомъ успѣвали его оттаскивать. Когда учитель выходилъ изъ класса, онъ подкрадывался сзади и плевалъ ему въ карманы. Наконецъ, его должны были пересадить ко мнѣ, въ старшій классъ, пока онъ не сдѣлается ручнымъ.

Дальнѣйшая судьба этой надежды Черной Горы была слѣдующая. Ручнымъ онъ кое-какъ сдѣлался, но горнымъ инженеромъ никакъ сдѣлаться не могъ. Изъ всѣхъ предметовъ, входившихъ въ кругъ познаній тогдашняго горнаго офицера, онъ оказалъ способ-

ности къ одной маршировкѣ, и хотя былъ за это сильно поддерживаемъ директоромъ изъ военныхъ, но далѣе первыхъ двухъ классовъ (изъ девяти), и то послѣ нѣсколькихъ лѣтъ приспособленія къ каждому, не поднялся. Изъ корпуса его взялъ, уѣзжая на Кавказъ, родной братъ Егора Петровича, убитый затѣмъ при муравьевскомъ штурмѣ Карса во главѣ свей бригады, Петръ Петровичъ Ковалевскій. Тутъ Джуро Давыдовичъ добрался даже до майора, а съ нимъ и до майорши, при помощи которой произвелъ на свѣтъ цѣлое племя такихъ же будущихъ майоровъ, какъ самъ. Но Черногорія его своимъ просвѣтителемъ не увидала.

Надо ли прибавлять, что гласность, приданная заграничною печатью похожденіямъ Е. П. въ Черногоріи, восполнилась совершенною безгласностью печати отечественной, и даже въ изданномъ имъ томикѣ: «Четыре мѣсяца въ Черногоріи», не было слѣда того, что онъ въ эти четыре мѣсяца тамъ надѣлалъ. Тѣмъ не менѣе, разсказанныя въ легкой формѣ впечатлѣнія природы и нравовъ этого заслоненнаго горами отъ остального міра уголка, населеннаго народомъ православнымъ, — съ ребяческимъ невѣденіемъ того, что творитъ, снимавшимъ головы турокъ съ плечъ, какъ библейскіе люди закалывали въ жертву Богу сыновей,—народомъ, у котораго и правитель ходилъ съ клобукомъ на головѣ и съ пистолетами подъ рясой,—такія впечатлѣнія и такіе разсказы сдѣлали ихъ автора чуть не Колумбомъ Черногоріи. Вещественнымъ слѣдомъ похожденія была пара длинныхъ пистолетовъ въ серебряной оправѣ, съ замысловатою чеканкою и надписью посербски: «Капитану Ковалевскому отъ черногорскаго народа, за походъ...» Слѣдовали годъ и мѣсяцъ. Этого слѣда не удалось изгладить краснымъ черниламъ цензора, какъ не изгладилось въ сердцахъ первобытнаго народа имя капитана Ковалевскаго. Онъ могъ повышаться въ чинахъ и извѣстности, — въ Черногоріи онъ до конца пребылъ капитаномъ, и даже перешелъ въ этомъ скромномъ видѣ за предѣлы ея скалъ, въ сосѣднія славянскія земли... Въ спискахъ пограничныхъ заставъ и въ памяти жандармовъ Австрійской имперіи тотъ же капитанскій чинъ удержался вплоть до полковничьяго, который смѣнилъ его гораздо позже и при обстоятельствахъ гораздо значительнѣе.

И вотъ, случайно сдѣланный отчаянный шагъ дѣлается первымъ шагомъ дальнѣйшей карьеры, сперва случайнаго горнаго инженера, а теперь случайнаго дипломата. Въ азіатскомъ департаментѣ его отчетъ о командировкѣ для розысканія въ Черной Горѣ мѣсторожденій золота (которыя, за другими занятіями, такъ и не были розысканы) имѣетъ гораздо бо̀льшій успѣхъ, чѣмъ въ горномъ. Нессельроде, въ качествѣ крошечнаго Меттерниха, косо посматривающій на непріятное вторженіе предпріимчиваго добровольца въ область тиши да глади (хоть и безъ Божьей благодати)

его дипломатіи, не считаетъ себя вправѣ не назначить ему аудіенціи послѣ знаменитаго пріема въ Аничковскомъ дворцѣ.

Съ этихъ поръ Е. П. является первымъ охотникомъ и кандидатомъ на порученія рисковыя или въ странахъ полудикихъ. Мало времени спустя, въ свитѣ поднявшагося войною, на верблюдахъ и казацкихъ скакунахъ, графа Перовскаго, на Хивинскія ханства, онъ уже гораздо болѣе въ качествѣ дипломатическаго чиновника, чѣмъ горнаго инженера, голодаетъ и мерзнетъ вмѣстѣ съ верблюдами и казаками въ степи; отбивается самолично, въ дрянномъ земляномъ укрѣпленьицѣ отъ нападающихъ дикарей и отсиживается на конинѣ до подоспѣвшей выручки, за что́ и получаетъ желтуху, которая окрашиваетъ его въ цвѣтъ самой чистой охры, но не получаетъ Георгія, къ которому его представляютъ. Императоръ Николай могъ поступиться правилами международныхъ отношеній, какъ было въ первомъ случаѣ, но не правилами награжденія орденами, и Е. П., за подвигъ безспорно военный, получилъ какой-то совершенно статскій крестикъ...

Тутъ онъ окончательно сознаетъ въ себѣ странствователя, даже присвояетъ это названіе цѣлому ряду разсказовъ о совершонныхъ имъ странствованіяхъ. Поданное въ лакомомъ видѣ беллетристическихъ очерковъ, не безъ приправы малороссійскаго юмора, продававшееся при томъ дешево и въ небольшихъ выпускахъ,—то самое, что тщетно и не разъ до него предлагалось, подъ прѣснымъ описаніемъ ученаго,—пошло раскупаться и читаться на расхватъ. Критика хвалила, редакторы журналовъ просили статей и ставили подъ ними «автора Странствователя по сушѣ и морямъ». Имя Е. П. Ковалевскаго сдѣлалось литературнымъ именемъ.

Но мирныя ощущенія литературнаго успѣха не для такихъ неугомонныхъ натуръ, какая гнѣздилась въ тщедушномъ, только на видъ, тѣлѣ Е. П. Это было упругое тѣло, выносливое, какъ сухое тѣло степного верблюда, а натура—требующая ощущеній острыхъ, опасности и риска. И вотъ, подобно тому, какъ пьяница оживаетъ отъ рюмки, этотъ худенькій странствователь оживляется карточнымъ столомъ, съ его неудачами. Партнеръ его, Некрасовъ, говорилъ, что Е. П. былъ единственный игрокъ въ клубѣ, игравшій непремѣнно для того, чтобъ проиграться. Когда выигрывалъ, онъ оставался безъучастенъ и готовъ былъ во всякое время остановиться; зато, когда проигрывалъ, его ничѣмъ остановить нельзя было. Борьба съ опасностью и неудачею придавала ему такую настойчивость, что его тогда просто боялись: обыкновенно, мягкій и вялый, онъ дѣлался рѣзокъ и говорилъ непріятности. Только проигравшись въ пухъ, онъ успокоивался. Но за проигрыши приходилось расплачиваться, и тутъ выручалъ только какой-нибудь отчаянный литературный ходъ. Надлежало написать что-нибудь необыкновенно длинное и само по себѣ необыкновенное и отыскать

такого необыкновеннаго издателя, который согласился бы выдать деньги впередъ за то, что еще не было написано.

Такой издатель существовалъ. Это былъ Ольхинъ, прежде извѣстный министерскій курьеръ, а теперь издатель произведеній извѣстныхъ русскихъ писателей. Деньги, первоначально выскаканныя на курьерской телѣжкѣ съ пакетами и преувеличенныя подачками въ генеральскихъ прихожихъ, пущенныя потомъ на жидовскіе проценты между чиновной милюзгой, собирали теперь русскую литературу уже въ его собственную прихожую, а литературныхъ генераловъ въ столовую, если они давали себя «прикармливать» (какъ выражался когда-то Некрасовъ по отношенію къ неподатливымъ цензорамъ). Иные прикармливали его сами.

Е. П. былъ чересчуръ брезгливъ, чтобы «прикармливать» Ольхина; однако, на прикармливаніяхъ другими приходилось въ критическія минуты присутствовать и ему. Я помню одно такое прикармливанье у Кукольника, на дачѣ въ Парголовѣ. Вызвано оно было сверхъестественнымъ успѣхомъ «Парижскихъ тайнъ», Евгенія Сю, между русскими чиновниками. Въ то время, кто только состоялъ въ живыхъ, непремѣнно состоялъ и въ чиновникахъ, если не сподобился состоять въ офицерахъ. Свободомыслящіе начальники отдѣленій и ротные командиры признали «Парижскія тайны» за послѣднее слово истины, и «Мертвыя души», Гоголя, недавно пользовавшіяся почетомъ, были поруганы. Ольхинъ сказалъ себѣ: «Отчего не сочинить своихъ тайнъ? И мы не лыкомъ шиты! Свои, пожалуй, понравятся тоже начальникамъ отдѣленій». И попросилъ Кукольника заказать «Тайны». Выборъ Нестора Васильевича палъ почему-то на моего дядю, — должно быть, потому, что тотъ никогда ничего не писалъ въ этомъ родѣ.

Дядя былъ въ проигрышѣ, и заказъ принялъ. Такъ вотъ пробные-то образцы этого напередъ проиграннаго въ карты заказа и подлежало сдобрить кукольниковскимъ обѣдомъ. «Нестору Васильевичу» Ольхинъ непремѣнно ставилъ бы свѣчи, еслибы не былъ жидомъ, а будучи жидомъ вѣрилъ ему, все равно, какъ Моисею. Стало быть, скажетъ этотъ Моисей, что «Тайны» домашнія затыкаютъ за поясъ чужестранныя — и карточный долгъ ихъ сочинителя будетъ уплоченъ; не скажетъ — пиши пропало! Кукольникъ, собственно, тогда уже переставалъ быть Кукольникомъ, и только по инерціи продолжалъ снискивать себѣ поклоненіе. Все уже имъ было написано и описано. Торкватто-Тассо и Кузьма Мининъ Сухорукъ, Эвелина де-Вальероль и Голендуха Демьяновна, Петръ Великій и какой-то Джуліо Мости, Сорренто, Нижній Новгородъ, Васильевскій островъ и Версаль:

«Ничто не оставлено имъ
«Подъ солнцемъ живымъ безъ отвѣта!»

И если ему не была «звѣздная книга ясна», и съ нимъ не «говорила морская волна», такъ только потому, что этого не требовалъ Ольхинъ. На «Нестора Васильевича» издатель, редакторъ, актеръ, могли смѣло полагаться, какъ на каменную гору: пьесу ли надо къ бенефису — будетъ; повѣсть къ книжкѣ — напишетъ; разсказъ къ чтенію — разскажетъ. Хорошо бы черезъ 24 часа послѣ сожженія турецкаго флота патріотическую драму въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, — разгорится патріотическимъ жаромъ какъ разъ на 5 дѣйствій и на стихи! Зато баронъ Брамбеусъ, непризнавшій Гоголя, призналъ его русскимъ Шиллеромъ, Брюлловъ написалъ съ него дѣйствительно шиллеровски мечтательную голову, а посѣтители Александринскаго театра, въ праздничные дни, прозвали его «нашимъ Несторомъ Васильевичемъ».

Въ грузномъ и обрюзгломъ парголовскомъ хозяинѣ врядъ ли кто нашелъ бы что-нибудь шиллеровское. Говорилъ онъ голосомъ жирнымъ, сильно напирая на *о;* когда смѣялся, все его огромное туловище колыхалось, а небольшіе глазки слезили и губы складывались въ воронку, какъ у дѣтей, когда они плачутъ.

Слѣдомъ за нами пріѣхала наемная карета, изъ которой вышелъ широкій, приземистый, точно приплюснутый, пожилой человѣкъ, съ толстыми, отвислыми губами и подсматривающими, постоянно готовыми на улыбку, хотя отъ природы еврейски-грустными глазами. Это былъ «самъ Ольхинъ». За нимъ, довольно подобострастно, вылѣзъ маленькаго роста, но съ очень большою лысиною человѣчекъ. Это былъ сотрудникъ нѣсколькихъ журналовъ, переводчикъ кого хотите, фельетонистъ, компиляторъ чего угодно, при нуждѣ — даже писатель для народа и романистъ, Петръ Фурманъ: микробъ того литературнаго недуга, которому суждено было развиться позднѣе въ репортеровъ, «нашихъ собственныхъ корреспондентовъ», критиковъ отъ строки, историческихъ романистовъ отъ «Русскаго Архива» — всѣхъ этихъ писакъ отъ толкучаго рынка!.. Возилъ его съ собою Ольхинъ не то для своего развлеченія, не то для собиранія литературнаго матеріала, въ родѣ того, какъ за прогулкою собираютъ грибы. Послѣднее вѣроятнѣе. Случилось, напримѣръ, что у дяди моего остановились часы. Онъ спрашиваетъ у Кукольника: «Который часъ?» А у Кукольника у самого часы остановились. Ольхину это ту же минуту показалось грибами.

— Вотъ вы возмите-ко, да и запишите себѣ въ книжечку! — обратился онъ къ Фурману, — отлично вамъ пригодится. Намъ, дескать, счастливый случай доставилъ возможность быть свидѣтелями въ высшей степени рѣдкаго... или какъ тамъ-нибудь... приключенія: у одного извѣстнаго литератора остановились часы. Онъ спрашиваетъ у другого — и у того остановились... Забавно выйдетъ.

— Но вѣдь мало же тутъ забавнаго, помилуйте! — рѣшился протестовать Фурманъ, подъ дѣтскій плачъ хозяина.

— А мало, такъ прибавьте отъ себя—ужъ это ваше дѣло. Вѣдь прибавить можно-съ?— обратился Ольхинъ уже къ дядѣ, какъ бы по праву его литературной собственности на этотъ сюжетъ.

— Можно, разумѣется!—захлебнулся по-своему Е. П.

Потомъ еще нѣсколько разъ подвертывались сюжеты въ томъ же родѣ. Вилку ли уронятъ, или пробка выскочитъ изъ бутылки и хлопнетъ лакея по лбу—сейчасъ Ольхинъ дѣлаетъ знаки рукою, записывая на воздухѣ то, что Фурману предстояло записать въ памятную книжку.

Наконецъ началось главное, зачѣмъ съѣхались—чтеніе романа. Глаза Ольхина пошли усиленно подсматривать за всѣми—такъ и забѣгали по комнатѣ. По ихъ выраженію было ясно, что онъ рѣшительно не понималъ ни слова изъ того, что читалось.

Съ издателями, даже редакторами журналовъ, это случается, какъ мнѣ доводилось убѣждаться впослѣдствіи; но на первый разъ оно мнѣ показалось очень забавно, гораздо забавнѣе сюжетовъ для Фурмана. Кукольникъ искалъ возможность выразить одобрѣніе и никакъ не могъ. Пріятно улыбающееся выраженіе лица Ольхина (какъ дескать все это хорошо: извѣстные литераторы; одинъ читаетъ удивительную вещь, другой ей удивляется) начало переходить въ сосредоточенное, угрожая перейти въ строгое: «что̀ жъ молъ это такое? слушающій извѣстный литераторъ не удивляется! Несторъ Васильевичъ не удивляются! За что̀ же я деньги заплачу?» Но Несторъ Васильевичъ по маломъ времени кое-какъ уловилъ-таки возможность удивиться и расшатать себѣ туловище одобрительнымъ плачемъ. Среди совершенно невозможной въ Петербургѣ уличной сцены, гдѣ несуществующій петербургскій уличный мальчикъ (le gamin de Pétersbourg) ночью спасаетъ изъ обломавшейся кареты дочь какого-то вліятельнаго князя (по современнымъ условіямъ цензуры могшаго даже показаться великимъ) раздается крикъ другого французскаго уличнаго мальчика: «Сенька! отдай мнѣ! У тебя хоть собака есть, а у меня ничего нѣту!» Это было признано за чисто шекспировскую черту нравовъ петербургскихъ маленькихъ французовъ. Долго потомъ Несторъ Васильевичъ не переставалъ твердить сквозь слезы на всѣ лады: «Сенька! у тебя хоть собака есть! Ай-да Ковалевскій! Молодецъ! Сенька! у тебя хоть собака»...

Испытаніе кончилось приговоромъ въ пользу автора трехъ тысячъ рублей за романъ, въ которомъ, и то ночью, успѣлъ появиться одинъ Сенька, но гдѣ долженствовало пройти все населеніе Петербурга, не только ночью, но и днемъ, ради чего и опредѣлялся размѣръ въ шесть частей, а названіе давалось: «Петербургъ днемъ и ночью». По тогдашнему, сдѣлка была блистательная.

Но «анаѳемскій романъ», какъ называлъ его самъ авторъ, долженъ былъ быть написанъ; а это не такъ-то легко было сдѣлать человѣку, не только незнавшему того о чемъ онъ взялся написать

6 частей, но и просто незнавшему, о чемъ онъ писать будетъ. Романъ превратился въ кредитора, который преслѣдовалъ его по пятамъ. Онъ завидовалъ людямъ свободнымъ отъ обязательства написать романъ, какъ самымъ счастливымъ въ мірѣ; накидывался на знакомыхъ за то, что они не помогаютъ ему писать: «Хоть бы что-нибудь разсказали!» говорилъ онъ съ отчаяніемъ:—вѣдь хо̀дите жъ вы по улицѣ, ѣздите на извозчикахъ: ну, и слушали бъ, разспрашивали, смотрѣли бъ... А то вѣдь и дѣла нѣтъ никому до того, что̀ я долженъ писать!» Онъ даже осыпа̀лъ укорами своего кадета-черногорца: «ты чего сидишь, ничего не дѣлаешь? Сходилъ бы въ харчевню, подслушалъ, о чемъ тамъ говорятъ? Тебѣ можно—тебя за солдата примутъ. А я съ мужикомъ заговорю, онъ сейчасъ шапку снимаетъ; мнѣ ничего ракалія не скажетъ»...

Доморощенныя «Тайны», предпринятые какъ доказательство, что мы не лыкомъ шиты, выходили сами шитыя лыкомъ... Гораздо позднѣе, подъ названіемъ «Петербургскихъ Трущобъ», имъ суждено было сдѣлать имя г. Всеволоду Крестовскому.

Помню неудачную попытку покрыть другой проигрышъ драматическою формой. Вдохновенье шло отъ немало извѣстнаго въ свое время начальника репертуарной части въ театрахъ, тоже игрока, Неваховича,—можетъ быть, не безъ задней мысли: обезпечить ею возможный выигрышъ.

— Ужъ вы только напишите—мы все сдѣлаемъ: драма пойдетъ! ужъ мы все сдѣлаемъ!—распинался и моргалъ Неваховичъ. Онъ всегда моргалъ и всегда распинался, что какіе-то «они все сдѣлаютъ»...

Въ драмѣ уже выступали не уличные, а клубные и салонные герои; главный герой былъ игрокъ, какъ и авторъ, и если не сочинялъ, когда проигрывался, драмъ и романовъ, какъ авторъ, то искалъ, какъ и онъ, золото; а, найдя золото (чего не удавалось дѣлать автору), разражался монологомъ, который давалъ возможность Каратыгину расточить избытокъ своего могучаго голоса, а автору получить гонораръ.

— «Я буду гнать, и загоню, это презрѣнное общество (имѣвшее низость требовать, чтобы платили долги) въ болото, какъ стадо барановъ и пстоплю»!—долженъ былъ вопить знаменитый трагикъ, и презрѣнное общество должно было потрясать театръ рукоплесканіями по поводу того, что оно презрѣнно...

Такъ какъ участь пьесъ гораздо болѣе была въ рукахъ этого царя Александринской сцены, даже когда онъ выходилъ изъ бутафорской порфиры, чѣмъ отъ тѣхъ, которые «все дѣлали», то необходимо было знать, какъ думаетъ Василій Андреевичъ о драмѣ; а чтобъ не услышать самому, что онъ о ней думаетъ дурно,—дядя поручилъ мнѣ побывать у Каратыгина. Какъ и вся молодежь, воспитанная еще на преданіяхъ классической красоты движеній и

формъ, размѣреннаго произношенія стиховъ и разсчитаннаго впечатлѣнія монологовъ, я былъ поклонникомъ этого послѣдняго сценическаго виртуоза по всѣмъ этимъ частямъ; а потому не безъ пріятнаго трепета взялся исполнить порученіе. Предстояло не съ высоты театральнаго помоста, а лицомъ къ лицу увидѣть человѣка, во всякое представленіе завладѣвавшаго театромъ. Про него говорили, что онъ и передъ и послѣ представленія владѣлъ имъ. Законъ писанный для другихъ актеровъ для него не былъ писанъ: онъ являлся на репетиціи въ шляпѣ, репетировалъ сидя, остальные подобострастно стояли, или поплачивались за неподобострастье, какъ Самойловъ, котораго держали въ черномъ тѣлѣ. Къ мелкой сошкѣ Каратыгинъ не обращался иначе, какъ: «эй ты, шутъ! начинай что ли!» или: «чего жъ ты, дубина, орешь? не можешь говорить тише, когда реплика моя!» Онъ бралъ роли, какія ему нравились и отвергалъ тѣ, которыя были не по вкусу; особенно не допускалъ мысли—изображать лицъ антипатичныхъ. Только для королей и дѣлалъ исключеніе—игралъ Людовика XI, и зато игралъ превосходно. Игрокъ новой драмы былъ, по принятымъ понятіямъ, симпатиченъ. Оставалось знать: по вкусу ли онъ?

Каратыгинъ жилъ на самомъ краю Невскаго проспекта, у Знаменія, что̀ въ сороковыхъ годахъ было чуть не на краю свѣта. По ту сторону стараго, узкаго и мрачнаго, съ гранитными почернѣвшими башеньками Аничковскаго моста, все уже казалось краемъ свѣта.

Я отправился почему-то вечеромъ, и мнѣ пришлось отыскивать въ тускло-освѣщенной, широкой, а за-мостомъ почти и совсѣмъ пустынной, улицѣ, домъ, гдѣ жилъ Каратыгинъ. Даже извозчикъ взропталъ: «очинна уже далече заѣхали!» говорилъ онъ:—«безъ людей какъ быдто бъ и бо̀язно!» Это на Невскомъ-то проспектѣ! Дома̀ номеровъ не имѣли; надо было искать по имени владѣльца. Когда я наконецъ доискался и позвонилъ, мнѣ не сразу отперли. За дверью послышалось сперва какое-то движеніе, потомъ чьи-то торопливые шаги, и когда все утихло, только тогда дверь осторожно пріотворилась.

— Кто̀ тамъ?—опросилъ меня нерѣшительный голосъ.

Въ полусвѣтѣ лѣстницы я различилъ въ прихожей чью-то выглядывавшую голову. Голова эта мигомъ спряталась, опять послышались шаги и кто-то грузно повалился на кровать, которая скрипнула.

— Вамъ кого угодно?—опросилъ меня прежній голосъ.

— Василія Андреевича Каратыгина. Могу я его видѣть?

— Они нездоровы... Да вы не изъ театра будете?

— Нѣтъ, не изъ театра. Я по своему дѣлу.

Мой отвѣтъ и офицерская шляпа съ перомъ, какъ тогда носили, видимо послужили въ мою пользу. Дверь отворилась совсѣмъ.

— Пожалуйте. Я спрошу барина. А какъ доложить?

Я себя назвалъ и прибавилъ отъ кого.

Послышался шопотъ; опять скрипнула кровать и тяжолые шаги направились изъ-за перегородки осторожно въ мою сторону; хорошо извѣстная величавая фигура Каратыгина, на этотъ разъ не въ порфирѣ, но запахнутая поношеннымъ халатомъ, безъ всякой величавости предстала передо мною.

— Прошу меня извинить... Вы вѣдь не изъ театра?—услышалъ я повторенную ту же настойчивую фразу голосомъ, гремѣвшимъ на сценѣ: «здѣсь императоръ твой и папа!!», а въ этой прихожей спускавшимся почти до шопота.

— Пожалуйте. Извините. Я тутъ прилегъ-было у себя въ спальной (за перегородкой прихожей была спальня этого, какъ всѣмъ было хорошо извѣстно, богатаго человѣка); потому что, знаете ли, я сказываюсь больнымъ. Когда вы позвонили, я подумалъ: не изъ театра ли прислали свидѣтельствовать? и навсякій случай прилегъ. Не платить же штрафа въ самомъ дѣлѣ! Сегодня идетъ—вы конечно видѣли на афишѣ (онъ назвалъ переводную французскую мелодраму). Ну, и въ ней есть роль мерзавца брадобрѣя Людовика XI, Оливье-чорта. Они хотѣли, чтобъ я игралъ эту роль! Посудите сами: мнѣ (тутъ заговорилъ опять императоръ и папа)—мнѣ... играть роль отвратительнаго лица, чорта!! Посудите! Она идетъ Ивану Иванычу Сосницкому; но мнѣ ее играть не подобаетъ. При томъ, она даже и не главная... Я сказался больнымъ... На меня злятся—афиша испорчена. Какъ разъ затѣютъ непріятности... А вы пожаловали насчетъ пьесы?..

— За отвѣтомъ: согласны ли взять главную роль въ пьесѣ?

— Я не отказываюсь. Роль имѣетъ хорошій монологъ—и заключительный: это очень важно. Для начала, пьеса вашего дядюшки обѣщаетъ... и я готовъ содѣйствовать... Такъ и передайте. Но играть не обѣщаю скоро. Надо, чтобъ Иванъ Ивановичъ окончательно удержалъ за собою чорта. А до тѣхъ поръ я боленъ... Впрочемъ, я не отказываюсь: монологъ хорошъ... и заключительный,—впечатлѣніе передъ вызовами...

Проводилъ онъ меня съ тѣми же предосторожностями до выхода и отскочилъ отъ двери подальше, когда она отворилась, точно штрафъ тутъ ужъ сейчасъ и стоялъ за нею.

Цѣль постановки пьесы—скорѣйшее полученіе гонорара—не достигалась, и потому Е. П. письменно затребовалъ ее обратно. Потомъ онъ и самъ радовался, что знаменитый монологъ съ баранами не былъ выкрикнутъ на весь театръ Каратыгинымъ. Тотъ же игрокъ благополучно перешелъ въ повѣсть, безъ лишней огласки. Весь интересъ повѣсти заключался въ томъ, что цѣломудріе цензора не допустило игроковъ въ Петербургѣ, они переведены были красными чернилами въ Баденъ-Баденъ, при чемъ петербургскіе ваньки,

какъ законами нравственности допущенные, продолжали благополучно возить за двугривенные отъ Казанскаго моста въ Среднюю Подъяческую, а бѣлыя лѣтнія ночи озарять сцены на Крестовскомъ островѣ. Цензурныя строгости во время оно нерѣдко проявлялись шалостями.

Когда бывали выигрыши—а и они бывали—тогда-то развертывалась не знавшая разсчета натура Е. П.: онъ обдаривалъ родныхъ, угощалъ обѣдами, ужинами, мороженымъ близкихъ, набиралъ билеты въ театры, наконецъ, просто навязывалъ деньги.

— Берите, господа, кто хочетъ, покуда есть, — кричалъ онъ весело, раскрывая полный бумажникъ, — послѣ и захотите, да не будетъ...

И хотѣвшіе брали. Но если отдавали, онъ сердился.

— Да убирайтесь вы совсѣмъ! — протягивалъ онъ брезгливо.

Кружокъ молодежи, только-что успѣвшей встать со скамей корпусовъ и университетовъ, а не кружокъ сверстниковъ, доставлялъ близкихъ людей этому человѣку, бывшему на 12—15 лѣтъ ихъ старше. Сколько такъ называемыхъ «петрашевцевъ» собиралось у него по вечерамъ и какая совершалась тутъ уголовщина, въ родѣ чтенія извѣстнаго письма Бѣлинскаго къ Гоголю... Тогда это было преступно вообще; но если подпоручикамъ и коллежскимъ регистраторамъ оно было просто преступно, то украшенному орденами штабъ-офицеру, какимъ былъ Е. П., сугубо преступно. И, конечно, одна счастливая случайность борьбы двухъ соперничавшихъ вѣдомствъ,—изъ которыхъ одно, по обязанности своей доносящее, не успѣло донести, а другое донесло изъ любви къ искусству,—спасла нашего путешественника отъ поѣздки на ту сторону Невы, въ мѣсто покрѣпче его киргизскаго укрѣпленія... Шефъ жандармовъ (графъ Орловъ) пообѣщалъ «согнуть въ бараній рогъ» всякаго, кто посмѣетъ раздуть дѣло, открытое министромъ внутреннихъ дѣлъ (Перовскимъ); никто не усомнился, что обѣщаніе будетъ исполнено, — и дѣло раздуто не было.

Между тѣмъ, извѣстность Е. П. Ковалевскаго возростала, и какъ путешественника (онъ былъ командированъ съ порученіями уже совсѣмъ дипломатическими и уже къ нему прикомандировывались ученые и техники, — въ Африку и въ Китай), и какъ писателя (онъ описалъ и Африку и Китай).

Но однообразные успѣхи осѣдлой жизни были не по немъ: на мѣстѣ его заѣдала хандра. Забившись съ ногами въ глубокое кресло, закрывъ ладонями лицо, онъ только протягиваетъ отчаянно: «ахъ, да какая, однако же, анаѳемская тоска!» Внимательное начальство пытается отъ времени до времени развлечь его занятіями, въ родѣ назначенія предсѣдателемъ экзаменаторской комиссіи въ младшихъ классахъ горнаго института: по цвѣту кантика онъ былъ горный инженеръ и слѣдовательно обязанъ былъ исполнять пору-

ченія «по своему вѣдомству». И вотъ его развлекаютъ бѣдные мальчики—порютъ по Кайданову объ ассиріянахъ и вавилонянахъ, или по Гречу—объ исключеніяхъ при склоненіи именъ существительныхъ...

Не обходится при этомъ и безъ забавныхъ случаевъ. Такъ, однажды, слышитъ онъ изъ-подъ своихъ ладоней, которыми закрываться тутъ было какъ разъ у мѣста, что кадетикъ произноситъ особенно знакомое ему слово—«хандра».

— А вы знаете, что такое хандра? — спрашиваетъ онъ.

Кадетикъ перепуганъ: предсѣдатель придирается; пропалъ хорошій балъ!

— Да вы мнѣ скажите совершенно откровенно, не бойтесь: знаете или нѣтъ?

— Не знаю-съ, господинъ полковникъ,—сквозь слезы отвѣчаетъ мальчикъ.

— Счастливый вы человѣкъ! И впередъ не знайте! Я вамъ ставлю полный балъ.

Но счастливыхъ людей между людьми зрѣлыми онъ не выносилъ. Здоровье и счастье онъ считалъ до нѣкоторой степени личною обидою:—«такой онъ жирный, здоровый, счастливый! ахъ, какая скотина!» — говорилъ онъ про такихъ людей. Есть люди, чихающіе съ особеннымъ наслажденіемъ, громко и по три раза кряду.

— Вотъ счастье — какъ чихаетъ! мнѣ никогда такъ не чихнуть! — завидовалъ онъ.

И надо было видѣть, какъ преображался этотъ скучающій, недоспавшій за картами, неудовлетворенный человѣкъ, когда ему вынимался счастливый билетъ командировки, въ которую онъ могъ кинуться внизъ головою. Ноги утрачивали способность свертываться въ креслѣ, веселый голосъ оглашалъ комнаты; онъ суетился, объѣзжалъ знакомыхъ; на выданныя подъемныя дѣлалъ закупки, опять дарилъ, опять бралъ билеты въ театръ, давалъ деньги, и земли подъ собой не слышалъ. Но особенно любопытно было видѣть его передъ началомъ Крымской войны въ Тріестѣ, гдѣ была тогда главная квартира воинствующей славянской идиліи, съ крестомъ для св. Софіи въ рукахъ («Пади предъ нимъ, о царь Россіи — и встань, какъ всеславянскій царь!»); слышать его оживленные возгласы на лѣстницѣ Hôtel de la Ville, шутки съ кельнерами и хорошенькими кельнеринами и знать при этомъ, что съ ранняго утра до поздней ночи пакеты, депеши, дипломатическіе курьеры пріѣзжали и уѣзжали; входили къ нему въ номеръ и стремительно оттуда выходили, даже консулы наши, генеральный и простой, поднятые имъ на ноги (а поднять на ноги русскаго консула—такое же чудо, какъ воскресить Лазаря); надо было быть свидѣтелемъ, какими выходками, почти ребяческими, сопровождались дѣла самыя серьезныя, — и только тогда можно было составить себѣ понятіе,

на что была способна такая натура — неутомимая и настойчивая за дѣломъ, полусонная и равнодушная, когда ее оставляли безъ дѣла.

Вотъ одна изъ выходокъ, развлекавшихъ Е. П. въ Тріестѣ. Посолъ нашъ въ Вѣнѣ, баронъ Мейендорфъ (софійскій крестъ и нѣмецкій посолъ какъ-то уживались вмѣстѣ), не только не помогалъ, но гдѣ могъ — подставлялъ ножку такой его «фуй, русской» дѣятельности...

— Постой же! Я знаю, что сдѣлать, чтобы ты меня, нѣмецъ, помнилъ!—рѣшаетъ онъ,—и, добившись у мѣстныхъ властей того, чего не могъ или не хотѣлъ добиться Мейендорфъ: почотнаго пропуска черезъ австрійскія владѣнія команды русскаго военнаго судна, застигнутаго блокадою англо-французовъ,—онъ дожидается ночи, чтобы послать объ этомъ шифрованную депешу барону, который страдалъ безсонницей.

— Онъ засыпаетъ только къ разсвѣту; а его тутъ какъ разъ и разбудятъ,—захлебывался смѣхомъ Е. П.

Но идилія кончается, а трагедія тѣмъ временемъ идетъ на Дунаѣ и сосредоточивается подъ Севастополемъ. Онъ мѣняетъ идилію на трагедію и высиживаетъ Севастопольскую осаду въ свитѣ главнокомандующаго, кн. Горчакова. На австрійскихъ заставахъ вычеркивается чинъ капитана передъ его именемъ, но записывается чинъ полковника, и не одному Ковалевскому, если онъ имѣлъ несчастье быть полковникомъ, приходилось испытать неудобство этого чина при переѣздѣ границъ Австріи.

Подъ севастопольскими ядрами обычный юморъ не покидаетъ Е. П. Про извѣстную разсѣянность главнокомандующаго онъ, между прочимъ, разсказываетъ, что когда за картами тому говорятъ: «князь, вамъ ходить»,—то, вмѣсто того, чтобы пойти съ карты, онъ встанетъ и самъ пойдетъ. Продолжительная осада его утомляетъ, и онъ говоритъ военнымъ: «вамъ хорошо,—вы по крайней мѣрѣ знаете, что васъ убьютъ, а тутъ сиди и жди, когда кончится...»

Съ воцареніемъ Александра II скитальческая жизнь Е. П. кончается. Въ качествѣ директора департамента министерства иностранныхъ дѣлъ,—который хотя и называется азіатскимъ, но есть въ то же время африканскій, американскій, австралійскій, славянскій, греческій и т. д.,—и въ чинѣ генерала настаетъ для него осѣдлость, въ казенной квартирѣ, съ курьеромъ въ прихожей, съ обязательною потерею времени на прочтеніе и подписываніе того, что пишется и, доколе стоятъ міръ и департаменты, все не допишется... Конечно, это очень скоро становится для него ассиріянами Кайданова; онъ рвется впередъ, гдѣ дѣятельность подвижнѣе и шире, и уже портфель министра мерещется его воображенію.

— Буду министромъ!—говоритъ онъ,—буду! и кулакомъ стучитъ по столу съ опостылившими бумагами.

Е. П., кидается въ погоню за своимъ призракомъ горячо, нерасчетливо, какъ кидался во все, начиная съ картъ, зарываясь— и, наконецъ, зарвался: министръ иностранныхъ дѣлъ, князь Горчаковъ, избравшій его, по памяти еще перваго знакомства въ Италіи, ближайшимъ сотрудникомъ въ качествѣ знатока славянскаго міра, который самому князю представлялся такъ смутно, что онъ безъ посторонней помощи не находилъ славянскихъ земель на картѣ,—этотъ министръ началъ тяготиться нескрываемымъ вліяніемъ на него директора. Директоръ съ своей стороны тяготился министромъ—и они довольно скоро разстались. Ковалевскій перешелъ въ сенатъ, гдѣ опять сталъ закрываться ладонями, оставивъ живой слѣдъ своей дѣятельности въ азіатскомъ департаментѣ, въ угаданныхъ имъ и подготовленныхъ на свое мѣсто людяхъ, въ томъ числѣ въ Н. П. Игнатьевѣ.

Время его управленія не походило на то, которое ему предшествовало и едва ли то, которое послѣдовало за нимъ на него походило. Славяне, персы, туркмены, греки, бухарцы, до тѣхъ поръ знавшіе только спину департаментскаго швейцара, смѣло и свободно шли въ кабинетъ директора, вмѣсто того, чтобъ ожидать на морозѣ и дождѣ, когда онъ покажется у подъѣзда, закутанный въ шубу и приметъ отъ нихъ прошеніе, которое прочтетъ столоначальникъ. Чтобы увидать Востокъ въ лицахъ, слѣдовало побывать у Егора Петровича; чтобы наслушаться пререканій славянъ между собою, понять причину ихъ разрозненности, а оттого и приниженности въ средѣ другихъ народностей,—нужно было посидѣть у Е. П.

— Вѣдь вы сами сожрали бы другъ друга, еслибъ васъ не жрали турки да австріяки!—корилъ ихъ заслужившій право на горькую правду директоръ.

— Вы всѣ подлецы и предатели!—выговаривалъ онъ жосткія слова, не стѣсняясь,—выпрашиваете и продаете! Ничего вамъ не будетъ! я васъ знаю! меня не проведете!

За то если кто стоилъ заступничества или поддержки, онъ, въ какое бы время ни было, хоть ночью, отправлялся къ Горчакову, иной разъ тащилъ, къ великому ужасу послѣдняго, прямо въ его пріемную какого-нибудь загорѣлаго, оборваннаго черногорца, отъ котораго чопорный князь сторонился, какъ отъ зачумленнаго,—и этимъ вѣрнымъ средствомъ достигалъ удовлетворенія: министръ соглашался на все, только бы «cet empesté de Slave» убирался.

Противуположность привычекъ и воззрѣній этихъ людей, поставленныхъ у одного и того же дѣла, порождала любопытныя сцены. Князю, напримѣръ, не нравился мрачный тонъ донесеній консуловъ изъ Турціи. А донесенія эти въ извлеченіяхъ, иногда цѣликомъ, отсылались на прочтеніе государю; менѣе мрачныя— всегда цѣликомъ.

— Vous savez, mon cher Егоръ Петровичъ,—это портитъ общее пріятное настроеніе и только нашего добраго государя огорчаетъ,— говорилъ Горчаковъ.—Зачѣмъ ему это знать? Я васъ прошу, внушите—конфиденціально, разумѣется,—если хотите даже частнымъ образомъ,—такъ, отъ себя,—чтобъ они не смотрѣли сквозь такіе темные очки...

— То есть, вы хотите, чтобы они смотрѣли сквозь ваши, князь? (Горчаковъ постоянно ходилъ въ очкахъ). Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ они безъ всякихъ очковъ смотрѣли, простыми глазами. И внушать имъ я могу только это. Отъ всего же другого отказываюсь... Да я просто и не умѣю такъ написать...

— Vous le prenez trop au serieux, mon bon Егоръ Петровичъ! Написать можно прекрасно, въ шутливомъ тонѣ.

И князь становился въ позу, произносилъ фразы, одна красивѣе другой.

— Заключить можно безсмертнымъ изреченіемъ Фигаро: «pace, gioja!» Ну согласитесь, что это выйдетъ премило...

Тутъ Е. П. уже не выдерживалъ и захлебывался своимъ истерическимъ смѣхомъ.

— Князь, вы столько писали на вашемъ вѣку премилыхъ вещей и такъ много произносили прекрасныхъ фразъ, что я васъ попрошу: пожертвуйте этими! А я ничего моимъ консуламъ писать не буду...

— Какъ хотите. А жаль,—настаивалъ Горчаковъ, становясь въ позу:—помните, господа, безсмертное изреченіе Фигаро...

Но Е. П. стоялъ на томъ, что консуламъ его помнить не слѣдуетъ, и pace gioja оставались при князѣ.

Такіе люди не могли кончить иначе, какъ разойтись при помощи сената...

Грустно прибавлять къ этому, что ненастигнутый призракъ министра не разсѣялся, а только смѣнился въ стремленіяхъ Е. П. болѣе скромнымъ, но тѣмъ болѣе неотступнымъ призракомъ уже товарища министра, а не то оберъ-прокурора святѣйшаго Сѵнода. Дошло до того, что во всякомъ назначеніи на эти должности помимо него онъ уже началъ видѣть для себя оскорбленіе, а въ назначаемомъ негоднаго человѣка.

— Прошу покорно! такого подлеца назначить!—кричалъ онъ въ смѣшномъ негодованіи,—или—такую скотину!

— Да вы отчего же его считаете подлецомъ?—спрашивали его,— вы его знаете?

— Я его совсѣмъ не знаю,—отвѣчалъ онъ уже своимъ протяжно-равнодушнымъ голосомъ,—только навѣрное подлецъ, или скотина...

И разговоръ оканчивался смѣхомъ.

Смѣхомъ или шуткою кончалось съ нимъ многое, что въ другихъ возмущаетъ.

Помню я, какъ въ Одессѣ, еще воронцовской, еще единственномъ уголкѣ Европы въ Россіи, извозчикъ, вѣроятно тоже чувствовавшій въ себѣ уголокъ европейца, наткнулся на тумбу и чуть не вывалилъ насъ изъ дрожекъ. Е. П. на него крикнулъ.

— Извините, баринъ, я близорукъ, — оправдывался извозчикъ.

— Каковò? онъ смѣетъ быть близорукимъ!— обратился ко мнѣ дядя; но въ ту же минуту самъ захлебнулся смѣхомъ на мой смѣхъ.

Въ другой разъ онъ прогналъ отъ себя добродушнѣйшаго слугу Ѳедора. Его спрашиваютъ, за чтò онъ прогналъ?

— Представьте, чтò этотъ человѣкъ со мною сдѣлалъ, — разсказывалъ Е. П. — Возвращаюсь я домой очень поздно (чтò значило — очень рано: на разсвѣтѣ, изъ клуба и, можетъ быть, послѣ проигрыша). — Спать хочется смертельно. Звоню, звоню, звоню — не отпираетъ!.. Наконецъ-то отперъ. И чтò же вы думаете? Вмѣсто того, чтобъ поскорѣе снять шинель, бросается меня цѣловать и увѣряетъ, что Христосъ воскресъ! А? какъ это вамъ покажется?— Ну, братъ, говорю, ужъ если Христосъ воскресъ, такъ сію же минуту убирайся!

— И прогнали?

— Прогналъ.

— А можетъ быть Христосъ и въ самомъ дѣлѣ тогда воскресъ?

— И не думалъ! Это Ѳедору спьяна показалось.

Ѳедоръ дѣйствительно многое дѣлалъ спьяна; но надобно сознаться, что поводъ къ его изгнанію былъ столько же забавенъ, сколько и жестокъ.

На вещи серьезныя тоже случалось Егору Петровичу смотрѣть какъ на такія, съ которыми стѣсняться нѣчего. Такъ, въ приложеніи, будто бы научномъ, къ своему беллетристическому описанію поѣздки въ Африку, онъ сболтнулъ, что по пути къ истоку Голубого Нила онъ заходилъ туда, гдѣ нога человѣческая не бывала. Сказано это было болѣе для красоты слога или, какъ говорятъ итальянцы: «dico per dire», а мы говоримъ: «это я только такъ сказалъ». Но наша петербургская Академія Наукъ какъ не русская, не знала, что можно говорить «только такъ», и повѣрила; да мало того, что повѣрила — напечатала, и еще не порусски объ этомъ въ своихъ «Запискахъ». Боже, какой гвалтъ подняли на всѣхъ языкахъ и въ «Запискахъ» всѣхъ академій, какія есть на свѣтѣ, путешественники съ цѣлаго свѣта, которые только изъ-за того и бьются каждый, чтобъ его нога хоть одинъ шагъ лишній ступила туда, гдѣ до нея не ступали. И вдругъ, чтобъ какой-то русскій путешественникъ топтался тамъ, гдѣ они не топтались? Да какъ онъ смѣлъ! Пусть онъ представитъ доказательства! Мы ему не вѣримъ! и т. д. Того, кѣмъ поднята была ученая буря, она, конечно, и не коснулась. Онъ академическихъ записокъ не читалъ, и объ ея существованіи узналъ только отъ задѣтой заживое нашей

академіи. Академикъ Бэръ, перепуганный и съ ворохомъ печатной бумаги со всѣхъ концовъ вселенной, предсталъ, въ одинъ несносный день, передъ Е. П. и объявилъ, что тотъ обязанъ все это прочесть и на все это отвѣтить.

— Какъ, и вы думаете, что я все это стану читать? да еще и на все это отвѣчать?! Нѣтъ, ужъ отвѣчайте сами, если это васъ занимаетъ, а мнѣ до этого ровно никакого нѣтъ дѣла, — огорашиваетъ его Е. П.

Бэръ думаетъ совсѣмъ иначе: дѣла всѣхъ больше до этого Е. П.; а потомъ еще и честь русской науки! Разительнѣе послѣдняго довода онъ ничего не находитъ и собирается читать Е. П. свою печатную бумагу. Тотъ, видя, что дѣло плохо, проситъ лучше оставить: онъ, пожалуй, такъ и быть, самъ прочтетъ, — прочтетъ и отвѣтитъ. Это было уже тѣмъ лучше, что Бэръ, наконецъ, ушелъ; а тамъ можно было и не читать.

Конечно, онъ ничего не отвѣчалъ, потому что ничего не читалъ; конечно, Бэръ бѣгалъ по нѣсколько разъ въ недѣлю напоминать о чести русской науки, которая такъ-таки и осталась бы поруганною, еслибъ на ея счастье двое какихъ-то ученыхъ нѣмцевъ не сцѣпились между собою уже изъ-за собственныхъ ногъ. Ихъ принялись травить другіе, и въ общей грызнѣ про ногу русскаго путешественника забыли...

На вещи практически-серьезныя Е. П. смотрѣлъ иначе. Это доказали, между прочимъ, его заботы о судьбѣ Общества литературнаго фонда. Оно было послѣднимъ дѣломъ его жизни, и въ него онъ положилъ всѣ тѣ свойства своей неисчерпаемой подвижности, которую до конца не успѣлъ расточить на разнообразныхъ житейскихъ поприщахъ. И если мысль образовать такое общество принадлежитъ Дружинину, то ея воплощеніе и укрѣпленіе на ногахъ положительно дѣло рукъ Ковалевскаго. Онъ провелъ уставъ и получилъ пріютъ для собраній членовъ, благодаря своему вліянію у брата, министра народнаго просвѣщенія, и былъ первымъ предсѣдателемъ комитета, оставаясь до конца жизни не только его руководителемъ, но и первымъ работникомъ: не разъ онъ составлялъ протоколы за секретарей, когда ими были столько же превосходные литераторы, сколько никуда негодные письмоводители, и переписывалъ самъ набѣло. Оживленіе, какъ вездѣ, овладѣвшее имъ и здѣсь, сообщилось другимъ, а личная привлекательность и ни въ какихъ случаяхъ непокидавшій юморъ сдѣлали то, что партіи, въ литературѣ непримиримыя, пріятельски собрались около его предсѣдательскаго стола. Собственно и стола такого не было, а садился всякій гдѣ хотѣлъ, пили чай, свиду будто и шутили, но на дѣлѣ рѣшали вопросы вовсе не шутя. Дверь и кошелекъ Е. П.,— послѣдній, когда милостью англійскаго клуба бывалъ хоть мало-мальски оставленъ не пустымъ,— были во всякое время открыты просящимъ и предупре-

ждали разсмотрѣніе просьбъ въ комитетѣ; такъ же какъ связи въ высшихъ служебныхъ сферахъ, всегда помогали такъ или иначе пристроить просителя на должность съ жалованьемъ. Въ его гостиной сливались потоки до тѣхъ поръ еще несливавшихся отборныхъ силъ администраціи и литературы. Здѣсь отмѣченный на министерскій постъ Головнинъ селезнемъ переваливался за Чернышевскимъ, уловляя его руку, которой тотъ ему не давалъ пожать, а настоящіе министры, и первый въ ихъ числѣ Горчаковъ, сохранившій добрыя личныя отношенія послѣ разрыва служебныхъ, — испытывали въ присутствіи пишущаго народа ту особенную пріятность чего-то несовсѣмъ позволительнаго, какую испытываютъ степенные люди въ обществѣ свободныхъ женщинъ; писатели съ своей стороны получали возможность созерцать вблизи тѣхъ, которыя представлялись имъ только на разстояніи... Однихъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ обворожалъ своимъ парижскимъ нарѣчіемъ, другихъ Островскій съ Писемскимъ — искуснымъ чтеніемъ, всѣхъ—Горбуновъ отборнѣйшимъ меню разсказовъ, какимъ особенно рѣдко удается лакомиться министрамъ...

Портретъ Е. П. Ковалевскаго въ залѣ общихъ собраній литературнаго фонда, да уже не достигающее его слуха скромное спасибо за помощь на проценты съ капитала его имени отъ нѣсколькихъ бѣдняковъ умственно трудящейся молодёжи, которую онъ такъ любилъ при жизни: вотъ слѣды по немъ на этомъ мало замѣтномъ, но полезномъ поприщѣ. На замѣтныхъ и того не осталось... Правда, осталась о немъ добрая память всѣхъ честныхъ и порядочныхъ людей [1])...

П. Ковалевскій.

[1]) На поприщѣ литературномъ отъ Е. П. осталась книга «Гр. Блудовъ и его время». Тутъ онъ является талантливымъ портретистомъ крупныхъ историческихъ лицъ царствованія Александра I.

— Ты о нихъ такъ говоришь, какъ будто зналъ ихъ лично, — выразился покойный государь Александръ II, принимая автора книги.

Эти-то лица, а не Блудовъ, на которомъ онъ и остановился, — послужили поводомъ къ сочиненію, ограничившемуся первою частью. Второй части (собственно о Блудовѣ) онъ и не намѣревался писать.

ВСТРѢЧИ НА ЖИЗНЕННОМЪ ПУТИ [1].

II.

Михаилъ Ивановичъ Глинка [2].

ЫЛО время, когда въ понятіи русскаго общества поэзія, живопись и музыка воплощались въ тройственномъ созвѣздіи Кукольника, Брюлова и Глинки. То было братство творцовъ, соперничавшее въ превосходствѣ и помогавшее другъ другу его достигнуть. Кукольникъ, по собственнымъ словамъ, нарочно выводилъ изъ терпѣнія Глинку, бракуя то, чѣмъ онъ приходилъ ему хвалиться, и такимъ пріемомъ вызывалъ его на достиженіе совершенства.

— Скверно, Мишенька! говорю бывало (разсказывалъ Кукольникъ). Можешь сдѣлать лучше, коли захочешь...

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. xxxi, стр. 370.

[2]) Въ очеркъ этотъ вошли отчасти сцены и черты лицъ, эпизодически введенныхъ подъ вымышленными именами въ хронику «Итоги жизни», печатавшуюся нѣсколько лѣтъ назадъ въ одномъ литературномъ журналѣ. Нынѣ лица эти, какъ историческіе, являются уже подъ настоящими именами и на своемъ настоящемъ мѣстѣ—въ изданіи посвященномъ собиранію историческаго матеріала, а сцены — въ дополненномъ и переработанномъ видѣ. По тѣмъ же соображеніямъ и, назначаемый для слѣдующей книжки, разсказъ о встрѣчѣ съ такимъ лицомъ, какъ знаменитый художникъ Ивановъ, принадлежащимъ безспорно исторіи, хотя и появившимся тридцать лѣтъ назадъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», имѣетъ, кажется, право, въ дополненномъ новыми подробностями и измѣненномъ видѣ, найти себѣ помѣщеніе на страницахъ «Историческаго Вѣстника».

— Не могу и не хочу! и тебя знать не хочу! Не приду тебѣ показывать никогда больше!

— Ой, придешь, Мишенька! ей-Богу, придешь! сдѣлаешь гораздо лучше—и непремѣнно придешь!

Черезъ нѣсколько дней и точно приходитъ.

— Ну, слушай теперь! говоритъ:—въ послѣдній разъ пришелъ. Скажешь: скверно, — никогда больше ничего отъ меня не услышишь.

Заигралъ—пропадать приходится, такъ хорошо.

— Умница, Мишенька! говорю:—дай поцѣловать себя. Я зналъ, что можешь лучше...

И такъ-то всякій разъ: чѣмъ больше разсердится, тѣмъ лучше сдѣлаетъ. «Вотъ на зло же тебѣ хорошо сдѣлалъ»! говоритъ: — «не смѣй ругаться»!..

Не знаю, такъ ли поступалъ Кукольникъ съ Брюлловымъ. Тотъ былъ своего рода Саваоѳомъ этой троицы, и если кому изъ нихъ видѣлся впереди памятникъ, то ему, конечно, всѣхъ ближе. Какъ удивились бы они, еслибъ кто-нибудь сказалъ тогда, что памятникъ ждетъ одного Глинку..

Да, такимъ людямъ послѣ смерти ставятъ памятники, а при жизни творятъ пакости невѣроятныя: калѣчатъ ихъ творенія на сценѣ и на концертныхъ подмосткахъ; убиваютъ самую вѣру въ ихъ призваніе и устраиваютъ паденіе тамъ, гдѣ ихъ истинная сила... Родятся они всегда раньше срока, эти великіе недоноски вѣка, опередившіе его и ему недоступные. Идущія на встрѣчу поколѣнія ихъ чествуютъ, но большею частью уже на могилѣ...

Брюловъ успѣлъ заживо вкусить славы, Кукольника успѣхъ на рукахъ носилъ; только генію Глинки «за могильною чертою» достались и «гимнъ временъ», и «благословеніе племенъ»... Глинкѣ выпало на долю быть недоступнѣе ужъ и потому, что его искусство, музыка, была менѣе другихъ искусствъ доступна времени, выкормленномъ на молокѣ итальянскихъ оперъ и куплетовъ Верстовскаго. Еще «Жизнь за Царя» кое-какъ переварилась такимъ слабымъ желудкомъ, но «Русланъ» причинилъ ему положительную индижестію. Не только офицеры, которыхъ великій князь Михаилъ Павловичъ штрафовалъ назначеніемъ въ большой театръ, когда давалась эта опера, но сами тонкіе цѣнители и судьи, друзья композитора, не уразумѣли новыхъ откровеній величайшаго творенія ихъ друга, »Руслана», и произнесли ему приговоръ: «mon cher, c'est un oeuvre manqué»!

Это тому-то «Руслану», за котораго особенно и поставленъ памятникъ Глинкѣ!

Я познакомился съ Глинкою, когда знаменитое созвѣздіе распалось. Брюловъ уже былъ въ могилѣ, а Кукольникъ—чиновникомъ особыхъ порученій въ военномъ министерствѣ. Сверстники М. И. об-

носились въ своихъ понятіяхъ, высохли въ чувствахъ. На смѣну имъ подходило другое поколѣніе и своимъ молодымъ восторгомъ пробуждало его геній. Съ однимъ изъ такихъ новопоставленныхъ онъ проживалъ въ Варшавѣ, куда бѣжалъ отъ петербургскихъ шиповъ къ розамъ хорошенькихъ полекъ... и ихъ «мазурѣчкамъ». Больной нервами, неговорившій ни о чемъ, какъ только объ этихъ нервахъ («посмотрите, какъ они у меня болятъ—видите? неужто не видите? Я—такъ вижу ясно!»), онъ хандрилъ, не пѣлъ, не игралъ, особенно—не сочинялъ.

— C'est un génie manqué!—отпѣли его свѣтскіе попы искусства.

Но не отпѣла молодежь. И съ нею онъ позабывалъ хандрить; не такъ ужъ ясно видѣлъ, какъ болѣли нервы; опять пѣлъ, игралъ и даже фантазировалъ на фортепьяно; а тамъ немножко попробовалъ и сочинять. Подъ рукую стаканъ лафита, опоражниваемый и тотчасъ доливаемый, молодыя вѣрующія лица кругомъ, женщина подлѣ (какая-нибудь, но непремѣнно женщина),—вотъ та обстановка, которая способна была снова озарять его осень.

— Съ вами я молодѣю, господа!—говаривалъ онъ,—вы что ли приносите мнѣ молодость? Даже мускулы ощущаю...

Ощущать мускулы составляло для него повѣрку своихъ физическихъ силъ, и повѣрку эту онъ производилъ на томъ самомъ спутникѣ, который его отвезъ въ Варшаву и теперь долженъ былъ привезти изъ Варшавы. Спутникъ этотъ особенной точностью не отличался, а мазурѣчки и польки не особенно гнали отъ себя композитора, и ждать его возвращенія приходилось долго. Наконецъ-таки дождались. Дождались и рѣшили созвать близкую молодежь, на квартирѣ привезшаго, котораго М. И., за его юркость, прозвалъ «ёгозкой».

М. И. далъ себя охотно привезти, даже говорилъ, что разсчитываетъ на «порцію удовольствія» (его любимое выраженіе) отъ вечера съ молодыми друзьями. Настроили рояль, подогрѣли пару бутылокъ лафиту и нашли какую-то женщину постоять у рояля.

Мнѣ приходилось въ первый разъ увидать творца «Руслана», и я съ трепетомъ поднимался по лѣстницѣ. Въ комнатѣ уже было изрядно накурено, когда я вступилъ въ нее. Прямо противъ двери, за раскрытымъ всею крышкою роялемъ я увидѣлъ небольшого, плотнаго, съ высокой грудью человѣка лѣтъ за сорокъ, безъ сюртука. Полоска темныхъ бакенбардъ какъ-будто обвязывала его слегка одутловатое лицо съ пренебрежительными, не то кислыми губами, надъ которыми нависали жидкіе усы. Глаза наполовину прикрытые вѣками, свѣтились огоньками, поминутно прорывавшимися наружу. Голова, въ темныхъ, густыхъ и гладкихъ, довольно длинныхъ волосахъ, на открытой короткой шеѣ, была нѣсколько закинута назадъ... Отъ быстраго движенія короткихъ крѣпкихъ рукъ

по клавишамъ мелькали рукава рубашки. Недопитой стаканъ и женщина были подлѣ.

Да, это былъ наконецъ онъ.

Онъ кончилъ и дохлебнулъ стаканъ, который ту же минуту былъ дòлитъ «егозкой»; потомъ обвелъ комнату почти совсѣмъ прикрытыми глазами и, увидавъ вошедшаго со мною очень молодого и красиваго юношу, прямо направился на него.

— Какой милый òбразъ!—произнесъ онъ, разставляя руки, — позвольте васъ облобызать!

Затѣмъ, онъ обратился къ присутствующимъ: «полагать надо, изъяны немаловажные нашимъ барынямъ чинитъ... Кàкъ оно пò—наукѣ-то, милостивый мой государь, егозка, выходить должно»?

«По-наукѣ» было изреченіе какого-то школьнаго учителя Глинки, Калмыкова, языкомъ и пріемами котораго онъ говорилъ, когда бывалъ въ духѣ.

— По наукѣ,—подхватилъ «егозка» (на немъ лежала обязанность давать заключенія на вопросы «по-наукѣ», въ родѣ того какъ даютъ ихъ «по-существу»), — по-наукѣ, я полагаю, непремѣнно чинитъ. А Калмыковъ чтò говоритъ по этому поводу?

— «Гòворю (тутъ Глинка заморгалъ глазами и заговорилъ сильно на *о*, выжимая изъ себя каждое слово),—гòворю и пòвторяю: се есть бичъ, ниспосланный небомъ на мужіи людстіи. Сказалъ—дòвольно»!

И вздернувъ плечи, заложивши большіе пальцы рукъ за подтяжки, съ закинутою назадъ головою, козыремъ пошелъ по комнатѣ. Потомъ хлебнулъ изъ стакана, взялъ руку женщины, ласково погладилъ—и опять за рояль.

— Это будетъ для васъ,—шепнулъ онъ ей и сладко закатилъ глаза.

«Когда въ часъ веселый откроешь ты губки»...

Запѣлъ онъ... и кончилъ:

«Хочу цѣловать, цѣловать, цѣловать»!..

да такъ выразительно, что женщина уже было потянулась къ нему, принявъ за личное желаніе композитора. Но онъ удовольствовался произведеннымъ впечатлѣніемъ и не нанесъ поцѣлуевъ дѣйствіемъ.

Опять хлебокъ вина. Шопенъ и Глюкъ—его любимцы (кромѣ себя, онъ только ихъ и игралъ) выступаютъ на клавиши. За ними идетъ уже что-то неопредѣленное, неуловимое, прихотливо-вдохновенное, такое отъ чего занялся духъ у всѣхъ насъ и что унесло насъ куда-то,—невѣдомо куда,—изъ холостой накуренной комнаты петербургскаго холостяка, съ пріисканною Богъ знаетъ гдѣ женщиною, съ роялемъ нанятымъ помѣсячно, но превращеннымъ коротенькими мелькающими по его клавишамъ руками въ источникъ властныхъ, неслыханныхъ, все покрывающихъ звуковъ... Пальцы

словно бредятъ, мечтаютъ... голова закинута далеко назадъ, глаза полузакрыты... импровизація призраками скользитъ и исчезаетъ, набѣгаетъ снова, опять исчезаетъ и набѣгаетъ, покуда пальцы не соскользнутъ съ клавишей и руки не повиснутъ...

Въ игрѣ Глинки не было ничего декоративнаго, концертнаго—ничего напоказъ. О методѣ, бѣглости, силѣ,—всего этого приклада публичнаго исполненія, ни на минуту не приходила мысль, когда за роялемъ сидѣлъ Глинка. Это было обояніе высшаго разряда. Блестящихъ и особенно гремящихъ пьянистовъ онъ невыносилъ:—«звучно, говорилъ онъ,—однако же, не благо-звучно». Когда пробовали вызвать его сказать, что-нибудь о Листѣ,—то разсказывалъ за него Калмыковъ:—«гòворю—лицомъ худъ, волосомъ длиненъ и бѣлокуръ. Сѣлъ: въ одной рукѣ жупелъ, въ другой дрѣ—колья. Взы—гралъ: зала потряслася и многія беременныя женщины пò—выкидывали. Сказалъ—довольно»!

Стаканъ опорожненъ; снова долитъ;—Глинка опять козырнулъ по комнатѣ, и уже опять у рояля—поетъ въ видѣ отдыха.

— Двадцать лѣтъ у меня съ плечъ сегодня, господа!—говоритъ онъ.—Егозка, господинъ, чтò докладываютъ мускулы?

И онъ принимается тузить хозяина.

— Чтò докладываютъ? спрашиваю—пò-наукѣ...

По наукѣ, оказывалось, мускулы докладывали отлично.

— Гòворю: удостовѣрился—довольно!

Удостовѣрясь въ мускулахъ, М. И. окончательно расходился: сѣлъ за рояль и началъ показывать, какая будетъ въ оркестрѣ сочиняемая имъ въ то время фантазія на камаринскую. Онъ подыгрывалъ губами, ударялъ по клавишамъ обѣими пятернями въ пасажахъ tutti, пристукивалъ каблуками, подпѣвалъ, подсвистывалъ и съ поразительною òбразностью передавалъ движеніе и краски инструментовъ... Когда я услыхалъ впослѣдствіи эту безподобную по чисто руской забубённости вещь въ концертѣ, то къ ней почти ничего не прибавило оркестровое исполненіе, даже кое-что поубавило въ огнѣ и стремительности передачи.

— А теперь развѣ чего-нибудь такого, чтобъ чуточку чухляндіей запахло?—спросилъГлинка, и затянулъ:

«Есть пустынный край, безотрадный брегъ,
«Такъ на сѣверѣ—далекò»...,—

стрòфы баяна, запрещенныя тогдашнею цензурою за то, что были посвящены Пушкину, который осмѣлился умереть на дуэли...

Это «далекò», какъ безконечная, однообразная сѣверная даль, протянулось однообразнымъ звукомъ и гдѣ-то пропало, какъ она, въ безконечности.

«Всѣ безсмертные—въ небесахъ»!!...

поднялся, кончая пѣсню, тотъ же звукъ, но уже воспрянувъ къ самымъ небесамъ, и, оборвавшись,—разомъ упалъ на землю...

Носовой, разбитый теноръ композитора, за который его не взяли бы въ хористы, разсыпáлъ такія чары выраженія, послѣ которыхъ самые сладкозвучные пѣвцы не смѣли пѣть того, что имъ было спѣто...

«Любви роскошная звѣзда,
«Ты закатилась навсегда»!..

почти возопилъ онъ слѣдомъ—арія, про которую онъ говорилъ: «это моя тоска»! И хоть она написана для женскаго голоса, — послѣ него не было возможности слышать ее, какая бы пѣвица ни пѣла...

За холостымъ ужиномъ, въ шуткахъ, остротахъ и выходкахъ всякаго рода онъ не отставалъ отъ молодежи, «получая порцію удовольствія» каждый разъ, когда удавалось кому-нибудь мѣткое уподобленіе или разсказывался веселый анекдотъ. Самъ онъ такихъ «порцій» доставилъ больше всѣхъ, и, между прочимъ, уподобилъ сквозному вѣтру, котораго терпѣть не могъ, пѣвицу Степанову за ея непріятный и рѣзкій голосъ...

Передъ тѣмъ какъ расходиться, его усадили-таки еще за рояль, и онъ простился съ нами романсомъ:

«Прощайте, добрые друзья!
«Насъ жизнь раскинетъ въ разсыпную»...

и когда кончилъ:

«И той семьѣ (семьѣ друзей) не измѣню,
«На дѣтскій сонъ не промѣняю;
«Ей пѣснь послѣднюю пою—
«И струны лиры обры—ва—ю»!!

съ одуряющимъ взрывомъ на послѣднемъ словѣ, и оборвалъ акордомъ въ обѣихъ рукахъ, то, обведя всѣхъ огоньками своихъ глазъ, встрѣтилъ уже слезы на всѣхъ глазахъ...

Такихъ ночей не выдается по нѣсколько въ жизни!

Съ живымъ Глинкою этимъ можно бы и кончить. Но прежде, нежели съ нимъ кончить и, можетъ быть, чтобъ лучше съ нимъ кончить, разскажу про вечеръ, проведенный вслѣдъ за тѣмъ у другого члена созвѣздія—Кукольника.

Выше сказано, что онъ состоялъ тогда чиновникомъ военнаго министра. Князь Чернышевъ, по какому-то недоразумѣнію, покровительствовалъ отечественной литературѣ. Въ его канцеляріи начинающіе писатели (Дружининъ, Лонгиновъ, Салтыковъ) состояли помощниками столоначальниковъ, а кончающіе (Кукольникъ, Струговщиковъ)—въ четвертомъ класѣ. Литература, такимъ образомъ, какъ бы получала своего рода ночлежный пріютъ.

Но Кукольникъ, о которомъ въ первый разъ швейцаръ князя Чернышева даже не хотѣлъ доложить, а послалъ спросить у княгини: не приказывала ли она принести куколъ для дѣтей [1]),—былъ

[1]) Разсказано самимъ Н. В. Кукольникомъ.

теперь чиновникомъ не только особыхъ порученій, но и совершенно особыхъ затѣй. Одною-то изъ такихъ затѣй я и былъ привлеченъ совсѣмъ неожиданно въ сослужительство съ нимъ. Просвѣтить подвѣдомственныя военному министерству земли Войска Донскаго каменнымъ углемъ (антрацитомъ), изъ нѣдръ ихъ извлеченнымъ руками собственныхъ горныхъ инженеровъ и затопить этимъ углемъ разомъ всѣ печи отъ береговъ тихаго Дона до еще болѣе тихихъ Москвы-рѣки, Яузы и Неглинной—представлялось зрѣлищемъ достойнымъ русскаго Шиллера и отечественнаго Александра Македонскаго, какъ прозвалъ князь Меншиковъ князя Александра Ивановича Чернышева, по милости его княгини.

— Какъ же тотъ городъ зовутъ,—имѣла она привычку спрашивать,—который покорилъ Александръ? (Онъ когда-то взялъ гдѣ-то какой-то городишко).

— Вавилонъ, княгиня!—обязательно отвѣчалъ Меншиковъ.

— Ахъ, нѣтъ, я говорю про моего Александра...

— Виноватъ, я полагалъ—про Македонскаго.

И вотъ, однимъ изъ такихъ «собственныхъ» инженеровъ, переведенныхъ, вопреки существовавшимъ въ то время положеніямъ о горныхъ инженерахъ, но согласно завоевательнымъ вкусамъ нашего Александра Македонскаго, былъ и я. Кукольникъ держалъ палочку капельмейстера въ этомъ техническомъ оркестрѣ, я былъ чѣмъ-то въ родѣ скрипки. Заставать капельмейстера дома было всего вѣрнѣе «вечеромъ, когда онъ, по собственному выраженію, давалъ отпускъ намозоленному мозгу».

Когда я пришелъ, онъ только-что совершилъ свой послѣобѣденный отдыхъ и сидѣлъ, спустивши съ постели ноги. Мальчикъ Сашка натягивалъ на нихъ сапоги и приговаривалъ такъ серьезно, какъ будто это составляло тоже часть его лакейскихъ обязанностей: «прилетѣли мухи». А баринъ, кряхтя и отдуваясь, подхватывалъ: «мухи». Затѣмъ слѣдовалъ новый стихъ Сашки и новое подхватыванье барина: «вострухи»...

— А! прошу покорно пожаловать! — привѣствовалъ меня Кукольникъ, и опять обратился къ лакею: — ну, такъ какъ же, Сашенька, дальше?

И Сашенька невозмутимо продолжалъ о мухахъ.

Хозяинъ разсмѣялся, наконецъ, своимъ плаксивымъ смѣхомъ.

— Васъ это удивляетъ? Это нашъ ordre du jour! Какъ только проснуся: «Сашенька! Державина — шутливые!» и Сашенька начинаетъ. «Квасу»! и Сашенька несетъ...

Дѣйствительно, Сашенька принесъ квасъ, который Несторъ Васильевичъ выпилъ въ перемежку съ какимъ-то еще четверостишіемъ Державина, старческій портретъ котораго въ колпакѣ висѣлъ надъ диваномъ. Къ старику (такъ онъ называлъ Державина), онъ обращался съ набожнымъ благоговѣніемъ, къ Пушкину

снисходилъ, Гоголя не одобрялъ и къ имени его постоянно прибавлялъ—Яновскій.

На столѣ лежали исписанные монологами листы бумаги: четвертый класъ не совсѣмъ еще угомонилъ пятиактныя трагедіи; валялись пробные оттиски затѣянной имъ же «Иллюстраціи». Наполнялась она преимущественно приношеніями писателей начинающихъ или близкихъ знакомыхъ. Онъ показалъ и рисунки, тоже принесенные. Жидковато было и то и другое. Потомъ прочиталъ, хохоча всѣмъ туловищемъ, свою грызню съ знаменитымъ Ѳадеемъ Булгаринымъ, бывшимъ на то время непремѣнною литературною собакою, кидавшеюся на всякую кость не ему брошенную и доносчикомъ на журналистовъ. На Кукольника онъ донесъ, что тотъ не говѣетъ и постовъ не соблюдаетъ. Кукольникъ намекалъ ему на взятки, которыя тотъ бралъ съ лавочниковъ, чтобъ хвалить ихъ товаръ въ «Сѣверной Пчелѣ». Въ заключеніе онъ «разносилъ», по собственному выраженію, Бѣлинскаго.

Замѣтивши, что его веселость не дѣйствовала сообщительно, онъ остановился.

— Тина жизни отъ васъ далече!—проговорилъ онъ съ грустью,—и благодареніе Всевышнему! Она на днѣ житейскаго моря—вы пока плаваете на его поверхности. Погрузиться на дно — у-у! какъ тяжело!...

Мы перешли въ гостиную, гдѣ уже собрались вокругъ хозяйки, Амаліи Ивановны, уменьшенней мужемъ въ «Мумочку» — женщины бѣлой отъ пудры и бѣлокурой отъ Выборга, домашніе друзья: зрѣлый не по чину штабсъ-капитанъ съ померанцевымъ воротникомъ, состоявшій членомъ какой-то эротической городской комиссіи прозванный за то «султаномъ», да совершенно черный, точно изъ донского антрацита вытесанный, казацкій майоръ. Намозоленный мозгъ хозяина уходилъ каждый вечеръ въ отпускъ къ этимъ людямъ. Раскрыли столъ и разобрали карты. Дѣтскій плачъ Кукольника почти не унимался отъ остротъ «султана» и тяжелыхъ какъ молотъ шутокъ казака, прозваннаго «атаманомъ». Этотъ атаманъ не понималъ рѣшительно ничего, и надо было вбивать всякое понятіе въ него, какъ сваю. Хозяинъ и вбивалъ съ особеннымъ вкусомъ.

— Я люблю первобытныхъ людей,—говорилъ онъ,—они становятся рѣдки...

«Мумочка» визжала и приговаривала: «ахъ, фуй! какой смишной»!—призывая на помощь «Несторхина» всякій разъ, когда не въ мѣру русская соль играющихъ становилась не подъ силу ея филологіи. Несторхенъ благодушно разъяснялъ и маленькіе его глазки слезились отъ смѣха...

Напившись на-скоро чаю, я удалился. При прощаньи, Кукольникъ самъ увидѣлъ необходимость оправдаться.

— Глупые люди въ обиходѣ нужны,—заговорилъ онъ,—только

съ ними голова вполнѣ отдыхаетъ. Вѣрьте мнѣ, глупость — одинъ изъ полезныхъ реагентовъ въ жизни...

Не похожи были два вечера двухъ недавнихъ свѣтилъ одного созвѣздія...

Я не стану описывать послѣдующихъ встрѣчъ съ Глинкою: всѣ онѣ походили на первую. Разскажу только послѣднюю, которая на нихъ мало походила.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ М. И. вернулся изъ Испаніи. Изъ Испаніи онъ вернулся гораздо худшимъ, нежели года два назадъ изъ Варшавы. Онъ состарѣлся, никуда не выходилъ, брюзжалъ и гасъ подъ старческими недугами и равнодушіемъ общества. Той же самой «егозкѣ» предстояло развлечь его напоминаніемъ о хорошемъ времени, когда онъ молодѣлъ среди молодыхъ поклонниковъ. Большая часть ихъ успѣла пережениться, и первый «егозка». Послѣднее обстоятельство дѣлало успѣхъ предпріятія, если не труднѣе, то во всякомъ случаѣ сомнительнѣе: жёны понравятся—прекрасно, — Глинка развлечется, даже пріѣдетъ; не понравятся — пуще забрюзжитъ, закутается въ халатъ и не сниметъ ермолки съ головы ни за что на свѣтѣ—не пріѣдетъ. Выбрали изъ числа молодыхъ супругъ такихъ, которыя должны были понравиться (первымъ условіемъ этого было, что онѣ не напоминали ни чѣмъ покойной супруги М. И.) и поѣхали.

Пріемъ по началу былъ не ободрителенъ: хозяинъ съеживался, какъ мимоза-сензитива отъ прикосновенія (мимозою онъ и самъ называлъ себя); его губы складывались кисло и вѣки закрывались... Ѣхать онъ отказывался: у него болѣли нервы. Онъ негостепріимно спряталъ правую руку подъ жилетъ и отошелъ къ роялю, у котораго толпилось нѣсколько волосатыхъ молодыхъ людей изъ музыкальнаго міра, въ томъ числѣ Сѣровъ. Оставалось убираться; но предварительно слѣдовало отдать поклонъ сестрѣ М. И., Людмилѣ Ивановнѣ, у которой онъ жилъ и состоялъ подъ началомъ. Отъ нея зависѣло почти болѣе, чѣмъ отъ Глинки, чтобъ онъ пріѣхалъ. Отпуститъ она—еще можетъ быть пріѣдетъ, а не отпуститъ,—пиши пропало. Она отпускала, — передъ вечеромъ (теперь его укладывали спать рано) и съ тѣмъ, что будутъ прежніе друзья, но прежняго лафита не будетъ. Привезли его закутаннаго; сквозной вѣтеръ, который онъ не любилъ теперь пуще пѣвицы Степановой, изгнали чуть ли не изъ цѣлаго околодка; бережно усадили, какъ больного, въ большое кресло и принялись осторожно развлекать на старый ладъ. Ужъ именитый гость началъ гладить по рукѣ то ту, то другую изъ молодыхъ дамъ и немного слаще складывать губы; уже кресло подкатили къ роялю и коротенькая рука, по старой привычкѣ, пошарила стакана съ лафитомъ... Какъ вдругъ все пошло прахомъ. На порогѣ показалась нежданная гостья—блондинка съ дѣтски-недоумѣвающимъ лицомъ

и впилась въ Глинку своими голубыми, какъ незабудки, глазами. Губы его кисло сложились, точно лизнули чего-то непріятнаго; рука исчезла за жилетъ и мимоза съежилась, какъ будто на нее наступили.

— А вѣдь хорошенькая?—попытался исправить дѣло хозяинъ, но напрасно.

— Иже херувимы тайно образующе, — проговорилъ брезгливо гость—терпѣть не могу такихъ.

Увы! блондинка напомнила ему жену — и вечеръ былъ испорченъ.

Бѣдный больной и вообще-то теперь почти ничего и никого не могъ терпѣть. Онъ и самого себя выносилъ съ трудомъ; тяготился извѣстностью, почти обижался, когда въ немъ видѣли не Михаила Иваныча, а композитора, и сердился, когда заговаривали объ его сочиненіяхъ. Роковая перемѣна произошла въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ рѣшился, послѣ продолжительнаго упорства, дать свою «камаринскую» на большой благотворительный концертъ въ дворянскомъ собраніи, и услышалъ изъ угла почти неосвѣщенныхъ хоръ, куда забился, какъ ее безмолвно и тупо проводили. А тутъ еще, на бѣду, два музыкальныхъ жидка (одинъ собственно только состоявшій при музыкѣ, другой отлично игравшій чужую музыку на фортепьяно) сочли своею обязанностью отрыть великаго композитора въ его темномъ углу и ободрить въ неуспѣхѣ. Чаша переполнилась: Глинка выбѣжалъ изъ залы, поклялся, что ни одной ноты больше не напишетъ и броситъ Петербургъ. Онъ его и бросилъ—уѣхалъ въ Испанію, откуда теперь вернулся, потому что срокъ паспорта истекъ, привезъ съ собою чернаго какъ сапогъ Дона-Педро съ его испанскими пѣснями и гитарою — единственными, какъ утверждалъ, представителями музыки ни свѣтѣ...

Женская заботливая рука сестры отнеслась къ пріѣзжему какъ къ больному; устранила разомъ и навсегда стаканъ краснаго вина, замѣнивъ его сельтерскою водою, а ключемъ ночныя вдохновенія у рояля... Но, увы! крутой поворотъ не выправилъ погнутаго цѣлою жизнью въ одну сторону тѣла; можетъ быть, скорѣе даже сломилъ его. И Глинка не выздоровѣлъ отъ сельтерской воды, про которую говорилъ, съ трудомъ уже подражая Калмыкову: «не вредно, однакожъ и безполезно», захирѣлъ, и погасъ, какъ свѣтильникъ, устроенный не для того, чтобъ тлѣть, но чтобъ горѣть пламенно и сокрушительно—или ужъ не горѣть вовсе.

П. Ковалевскій.

ВСТРѢЧИ НА ЖИЗНЕННОМЪ ПУТИ[1]).

III.

Александръ Андреевичъ Ивановъ.

ВЪ СОРОКОВЫХЪ годахъ, Россія въ первый разъ узнала, изъ знаменитаго письма Гоголя, о существованіи картины Иванова: «Явленіе Христа народу». Перу великаго писателя суждено было вызвать безпримѣрный интересъ къ кисти художника, заявившаго до тѣхъ поръ свою силу превосходною по выразительности (экспрессіи) головою Магдалины передъ Христомъ. Равнодушное, обыкновенно, къ явленіямъ родного искусства, русское общество вдругъ исполнилось вниманія и нетерпѣнія. Первый вопросъ пріѣзжавшаго въ Римъ былъ: «какъ бы увидѣть картину Иванова?» Первый вопросъ вернувшемуся изъ Рима: «а что̀ картина Иванова?» Письма къ проживающимъ въ Римѣ художникамъ и любителямъ были наполнены разспросами о картинѣ.

Десять лѣтъ на все это былъ одинъ отвѣтъ: запертая дверь мастерской художника. Досада неудовлетворяемыхъ ожиданій, какъ всякая досада, начала искать себѣ облегченія въ клеветѣ и выдумкахъ, смѣшныхъ или обидныхъ. Нашлись такія изобрѣтательныя досады, которыя и самое существованіе картины подвергали сомнѣнію. Большіе холсты тѣмъ временемъ вывозились изъ Рима, а ав-

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXI, стр. 561.

торы ихъ, не безгрѣшные въ позаимствованіяхъ изъ сомнительной картины, обогащались и чтились... Затворникъ студіи «Viccolo del Vantaggio» [1]), съ крикомъ вызываемый Россіею, оставался попрежнему одинокъ, бѣденъ и заточенъ въ своей келіи...

Послѣ двухъ зимъ въ Римѣ (1854—1856 гг.), мнѣ довелось совершенно случайно,—можно сказать, противъ его воли,—войти въ сношенія съ Ивановымъ. Довести его до этого добровольно было также невозможно, какъ и проникнуть въ его мастерскую. То было время его вящаго мизантропизма: онъ ужъ совсѣмъ спрятался отъ любопытства своихъ соотечественниковъ за двойною дверью студіи и повѣсилъ на нее тяжелый замокъ. Отъ домовладѣльца, къ которому приходилось обращаться за свѣдѣніями, — когда его жилецъ бываетъ дома,—не было другого отвѣта, кромѣ отрицательнаго покачиванья пальцемъ, съ прибавкою: «Э! сьоръ питторе никогда дома не бываетъ!»

Но родственнику Гоголя, издававшему переписку послѣдняго съ друзьями, вздумалось поручить мнѣ достать отъ Иванова Гоголевскія письма. Тутъ ужъ я нѣсколько смѣлѣе постучался въ двери. Покачиванье пальца и отрицательный отвѣтъ встрѣтили меня на порогѣ.

— Когда же, однако, можно видѣть сьора питторе?—спрашиваю.

— Сьора питторе нельзя никогда видѣть...

— Когда и дѣло есть, нельзя видѣть?

— Э! когда и дѣло есть, нельзя!

— Да, можетъ, вы не знаете?

— Э! еще бы мнѣ не знать! то и дѣло спрашиваютъ. Только сьоръ Алессандро...

И хозяинъ пощелкалъ языкомъ, для пущаго усиленія отрицанія.

Дѣлать было нѣчего: я написалъ Иванову, зачѣмъ мнѣ его нужно видѣть. Черезъ два дня, онъ явился самъ, вечеромъ, съ пучкомъ писемъ. Это былъ человѣкъ одичалый, вздрагивавшій при появленіи всякаго новаго лица, раскланивавшійся очень усердно съ прислугою, которую принималъ за хозяевъ,—человѣкъ съ движеніями живыми и глазами бѣгавшими, хотя постоянно потупленными въ землю, съ частою просѣдью въ густыхъ, нѣсколько всклоченныхъ, волосахъ и такой же бородѣ, широкоплечій, средняго роста, плотно сколоченный, съ умнымъ, мускулистымъ, истинно-русскимъ лицомъ.

Разговоръ начался, какъ водится, о Римѣ. Говорилъ Ивановъ тихо, съ частымъ прибавленіемъ частицы «съ» и съ покачиваньемъ головою.

— Вы, вѣроятно-съ, видѣли уже все замѣчательное? — спросилъ онъ.

---

[1]) Переулокъ, въ которомъ помѣщалась студія Иванова.

— Самаго замѣчательнаго мы не видѣли.

— Чего же это-съ: Ватикана?

— Вашей картины.

Онъ заметался на стулѣ, принялся смѣяться, какъ смѣются люди, смущенные неожиданнымъ оборотомъ разговора.

— Ахъ, помилуйте-съ! Чтòжъ это такое-съ? Этого никакъ нельзя-съ говорить! Какъ это возможно-съ!

Онъ очень настаивалъ на важности картинъ въ Ватиканѣ и особенно Рафаэлевыхъ. Но прямого мнѣнія о Рафаэлѣ не хотѣлъ высказать и увѣрялъ, что ему гораздо было бы любопытнѣе знать о томъ сужденіе дамъ.

— Онѣ иногда весьма интересно отзываются,— говорилъ онъ.

Въ заключеніе, Ивановъ приглашалъ непремѣнно побывать у Овербека, говоря, что онъ замѣчательное явленіе въ искусствѣ, и высказался, наконецъ, на счетъ Рафаэля, который, по его словамъ, стоялъ весьма высоко, какъ школа. Онъ былъ готовъ, повидимому, разговориться, но первый намекъ на картину такъ и столкнулъ его со стула.

— Да отчего вы не хотите ее показать?—приставали къ нему дамы, зная уже его расположеніе къ ихъ вкусу.

— Да оттого-съ, что она этого не стòитъ... Николай Васильевичъ (Гоголь) сдѣлалъ мнѣ много вреда похвалами: послѣ его словъ я не въ правѣ выставить свою картину... Съ меня слишкомъ много спросится-съ.

— Вы предоставьте судить другимъ...

— Извольте ѣхать-съ къ Овербеку!— перебилъ, откланиваясь Ивановъ,—а обо мнѣ и говорить не стòитъ-съ...

Уходя, онъ пообѣщалъ бывать часто.

Прошла зима — онъ ни разу не былъ. Надо было отсылать Гоголевскія письма, а нѣкоторыхъ нельзя было напечатать, не предваривъ Иванова. Но покачивающійся палецъ хозяина не открывалъ къ тому никакихъ путей.

Случайно я столкнулся съ Ивановымъ на выставкѣ piazza del Popolo. Мы вмѣстѣ обошли картины: вниманіе его особенно останавливалось на тѣхъ, которыя носили на себѣ слѣды какого-либо изученія; онъ прощалъ самыя бездарныя между ними, говоря, что онѣ болѣе могутъ принести пользы искусству, нежели хорошенькія сценки (жанръ), ничего не прибавляющія для дѣла. Наконецъ, мы остановились у картины русскаго художника-пансіонера. Онъ долго и внимательно ее разсматривалъ; произносилъ повременамъ отрывистые: «а! вотъ что-съ! угу»!.. и тому подобное; на всѣ мои вопросы не далъ ни одного отвѣта; былъ углубленъ во что-то, и только пройдя нѣсколько улицъ, замѣтилъ, что «надо полагать, весьма, однако, трудно было получить золотую медаль такому-то» (онъ назвалъ пансіонера).

Къ отсылкѣ писемъ Гоголя въ Россію, Ивановъ оказался совершенно равнодушенъ, и на замѣчаніе мое, что нѣкоторыя изъ нихъ слишкомъ близко касаются его лично, отвѣтилъ:

— Я полагаю-съ, это ничего не значитъ!

Замѣчательная черта въ человѣкѣ, который прятался и бѣгалъ отъ публичности.

На первый годъ наше знакомство тѣмъ и кончилось. На второй—оно, быть можетъ, не возобновилось бы вовсе, еслибъ пребываніе въ Римѣ вдовы императора Николая I не открыло двери недоступной студіи.

Лучше всякихъ объявленій въ газетахъ и реклампъ, безъ которыхъ не обходятся иностранные художники въ Римѣ, молва въ тратторіяхъ и на улицахъ разнесла вѣсть объ этомъ событіи по Риму. Онъ тоже ожидалъ его. Неслыханная популярность иностранца въ странѣ, гдѣ на пришельца смотрятъ въ искусствѣ, какъ на врага и хищника. Тутъ я опять увидалъ Иванова — уже отцомъ лелѣямаго имъ дѣтища, уже передъ этимъ великимъ дѣтищемъ, — но все такого же сосредоточеннаго, съежившагося ипохондрика, боязливо-встрѣчавшаго посѣтителей на порогѣ и провожавшаго ихъ безъ всякой надобности до самой лѣстницы.

Какой-то художникъ-французъ, пораженный картиною, не хотѣлъ вѣрить, чтобы этотъ пробирающійся на цыпочкахъ человѣкъ былъ ея авторъ.

— Mais il faut avoir de la modestie pour cent,—говорилъ онъ, и уже поражался авторомъ, а не картиною.

Двери мастерской открылись по мгновенному побужденію Иванова. (Кажется, братъ его, архитекторъ, не мало способствовалъ этому побужденію). Еще наканунѣ никто бы не повѣрилъ, что картина, о которой иные уже говорили, какъ о пустомъ холстѣ, предстанетъ утромъ во всеоружіи передъ глазами... — Что-то картина?—думалъ каждый, ускоряя шагъ къ Vicolo del Vantaggio. Ну, какъ Овербековская? — приходило вдругъ въ голову: — Ивановъ такъ хвалилъ Овербека!

Не скрою, что я взялся за щеколду двери съ замираніемъ сердца: шутка ли! мнѣ предстояло вдругъ увидѣть плодъ цѣлой половины жизни человѣка, его убѣжденіе, цѣль, общество, семью, счастье — все, все! Ну, какъ все это была только ошибка! А похвалы Гоголя? Неужто и онѣ ошибка? А если — да?..

Первый взглядъ на картину (надо быть искреннимъ) былъ не въ ея пользу: испытывалось нѣчто въ родѣ колебанія... «Гобленовскій коверъ изъ Ватикана!» даже вырвалось у меня невольно; а Ивановъ, смотрю, стоитъ подлѣ и прислушивается однимъ ухомъ [1]).

---

[1]) Въ Ватиканѣ есть цѣлая зала съ полинялыми коврами, вытканными по картонамъ Рафаэля.

— Весьма любопытно слышать сужденіе, — сказалъ онъ, когда я его замѣтилъ, и мы сѣли.

Обаяніе сюжета, сила экспрессіи и поразительная смѣлость въ сочиненіи, правда и движеніе въ группахъ, жизненность фигуръ, доходящая до обмана, не замѣтно и съ каждою минутою превращали коверъ въ живую дѣйствительность. Великій мигъ, застывшій на полотнѣ, вставалъ во всемъ величіи передъ глазами, и скоро студія, успѣвшая наполниться, вся замерла... Казалось, восторгъ крестящихся во Іорданѣ сообщился зрителямъ, и они, задержавъ дыханіе, слѣдили вмѣстѣ съ ними за приближавшимся Мессіей...

Русскіе художники всѣ были налицо: одни сидѣли блѣдные, взволнованные могуществомъ искусства; другіе — углубленные въ подробности картины, такъ что, найди они къ чему придраться, имъ бы стало легче; нѣкоторые просто недоумѣвали: видѣнное имъ было не по силамъ... Будущіе хулители, рѣшительные и непреклонные, поглядывали бокомъ... Ивановъ былъ и самъ, какъ мнѣ казалось, несовсѣмъ спокоенъ, былъ возбужденъ и, можетъ, потому именно говорилъ болѣе. Онъ разсказалъ мнѣ, между прочимъ, путь, которымъ шла его картина—и колебанье, испытываемое зрителемъ, сразу объяснилось.

Разставленные, развѣшанные и разложенные вокругъ эскизы, этюды, копіи и рисунки служили оправдательными документами.

Ивановъ попалъ въ Римъ въ то время, когда школа нѣмецкой живописи была во всей силѣ; что̀ дѣлали не нѣмцы, отвергалось; нѣмцы предписывали законы; Корнеліусъ съ Овербекомъ управляли вкусомъ. Робкій Ивановъ не смѣлъ ихъ не признать за силу. Между тѣмъ, Ватиканъ и Рафаэль привлекали его строгостью и прелестью линій, чистотою стиля... Съ другой стороны, Тиціанъ— этотъ царь красокъ, дѣйствовалъ на молодое сердце еще соблазнительнѣй. «Что̀ мнѣ было дѣлать, — я рѣшительно не зналъ!» — говорилъ Ивановъ, разорванный на части и авторитетами, и колебаніями въ разныя стороны. Мнительный отъ природы, недовѣрчивый къ своимъ собственнымъ средствамъ, онъ созналъ возможность стать на ноги, только опираясь на кого-нибудь изъ силачей искусства... Первоначальная мысль картины, имъ набросанная, его не удовлетворяла, и, надо сказать правду, въ сравненіи съ настоящимъ мотивомъ, этотъ первый отзывался отчасти академіей. Ивановъ уступилъ влеченію сердца и кинулся въ Венецію испробовать себя подъ вліяніемъ манеры Тиціана: отсюда вытекъ второй эскизъ — съ темно-синимъ, зеленоватымъ небомъ и бурымъ деревомъ, какъ на извѣстной картинѣ Тиціана (убіеніе Петра въ церкви S. Giovanni e Paolo)... Но уже своеобразный мотивъ сочиненія является тутъ въ общихъ чертахъ такимъ, какъ мы его и теперь видимъ; измѣненъ же онъ впослѣдствіи только въ распредѣленіи второстепенныхъ группъ и драпировокъ, да въ краскахъ.

— Когда я вернулся въ Римъ, — продолжалъ Ивановъ. — мнѣ показалось, что пріемъ Рафаэля ближе къ правдѣ; я принялся прилежно ходить въ Ватиканъ, дѣлалъ копіи и остановился на этомъ...

— Нѣмцы, значитъ, васъ не одолѣли?—спросилъ я.

— Нѣтъ-съ, какъ же это возможно! Нѣмцы тогда все значили; не было спасенія безъ нѣмцевъ!.. Я много обязанъ Овербеку: онъ мнѣ весьма помогъ совѣтами...

— Такъ онъ совѣтуетъ, должно быть, лучше другимъ, чѣмъ себѣ...

Ивановъ улыбался и качалъ головой.

— Какъ это, однакожъ, вы зло говорите! — бормоталъ онъ, — чрезвычайно зло...

И онъ принялся похваливать Овербековскаго «Іоанна Крестителя».

— Я и помышлять не смѣлъ написать такого Іоанна, — говорилъ онъ.

— И хорошо сдѣлали, — оттого-то вы и написали вашего Іоанна.

— Ай-ай-ай-съ!! — замоталъ головою Ивановъ.

И такъ, онъ приступилъ къ работѣ нерѣшительно, не вѣруя въ себя, хватаясь за оплоты людей съ именами.

Велика же должна быть самобытность художника, чтобы, заслонивъ и врожденную робость характера, и воспитанное въ умѣ поклоненіе авторитетамъ, вывести на полотно картину, которая показала, что искусству можно еще шагать впередъ, оставляя позади авторитеты... Нерѣшительный Ивановъ, ищущій образцовъ, когда начинаетъ работу, и Ивановъ — совершитель этой работы, — какъ совмѣстить такую слабость и такую силу въ одномъ человѣкѣ?.. Оверберкъ, имѣвшій дѣло съ робкимъ начинателемъ, проводитъ нѣсколько часовъ передъ оконченнымъ произведеніемъ и только въ состояніи произносить: «кто могъ бы думать? Ивановъ насъ надулъ!»

Самъ доживающій восьмидесятые свои годы Корнеліусъ, въ полномъ расколѣ съ правдою въ искусствѣ, и тотъ, послѣ оговорокъ, что картина грѣшитъ противъ стиля, то-есть ничѣмъ не подходитъ къ хлыстовщинѣ старовѣровъ, пожимаетъ руку Иванова и твердитъ: «вы большой мастеръ» (un valoroso maestro!), а нѣмцамъ, думавшимъ угодить ему хулою, приказываетъ строго, чтобъ они пошли да поучились... Нѣмцы поджимаютъ хвостъ и плетутся въ Vicolo del Vantaggio.

Не стану передавать дальнѣйшихъ подробностей этого разговора и послѣдующихъ бесѣдъ съ Ивановымъ передъ его картиной; скажу только, что изъ нихъ узналъ я, какъ ошибочно вкоренившееся мнѣніе, будто Ивановъ писалъ двадцать лѣтъ свою картину. Писалъ онъ ее семь лѣтъ, и то при безпрестанныхъ разъѣздахъ за отыскиваньемъ

типовъ, которыхъ въ Римѣ онъ не находилъ по своему желанію (бо́льшая часть изъ нихъ найдена между евреями Ливорно), при перерывахъ отъ болѣзни и находившихъ на него припадковъ ипохондріи, разочарованія въ своемъ трудѣ, въ своихъ силахъ, при боязни за завтрашній день, за насущный кусокъ хлѣба... Тѣ 30,000 рублей, которые выданы ему въ теченіе тридцати лѣтъ, получались по мелочамъ, были каждый разъ выпрашиваемы трудно, и за нихъ никто не могъ поручиться. Много времени отдано усиленному чтенію, изученіямъ древне-еврейскаго быта и подготовкѣ матеріаловъ на задуманное изображеніе всей жизни Христа въ эскизахъ.

Продолжительность работы особенно поставляется на видъ, когда желаютъ уменьшить достоинство картины. Заговорите только объ ея высокихъ качествахъ: «еще бы! въ двадцать лѣтъ можно было добиться до этого»! Упомяни кто-либо о недостаткахъ: «а писалъ двадцать лѣтъ»! закричатъ хоромъ.

Пусть будетъ двадцать лѣтъ! Да еслибъ каждыя двадцать лѣтъ выводили на свѣтъ изъ мастерской не только одного—всѣхъ, взятыхъ вмѣстѣ художниковъ, подобную картину: сколько бы прибавилось истинно-дорогихъ вкладовъ въ скудный ковчегъ живописи, переполненный поддѣльною монетою!..

Считаютъ одну картину? А причтите-ка къ ней другую—меньшаго размѣра, вполнѣ оконченную [1]), да четыре эскиза, да этюды, которые надо считать сотнями (кажется, болѣе 300), этюдъ каждой головы, части тѣла, всего тѣла, въ одномъ поворотѣ, потомъ въ другомъ; ландшафтные этюды, этюды драпировокъ; копіи, картоны, рисунки, чертежи: и вы получите цѣлую академію, по которой ученикъ можетъ выучиться быть художникомъ.

Вотъ въ какомъ видѣ только двадцатилѣтній трудъ Иванова (хоть онъ даже и не двадцатилѣтній, какъ мы видѣли) получаетъ все свое значеніе и становится памятникомъ. Вотъ въ какомъ видѣ академія должна была пріобрѣсти его, а не допускать, чтобъ разорвали по страницамъ великую его исторію... Но допущено не только это; не только эскизы, рисунки, этюды распроданы порознь въ частныя руки, но и самая картина сослана въ Москву, какъ когда-то сенаторы поплоше назначались въ московскій сенатъ.

Но возвратимся въ Vicolo del Vantaggio.

Горячее мартовское солнце опускалось къ куполу Петра, и былъ седьмой часъ вечера, когда мастерская начала пустѣть. Вечернія скодки въ кофейняхъ и траторіяхъ, пренія, толки, пересуды, разнесли по Риму вѣсть о показывающейся картинѣ. На другой день уже и мастеровой съ инструментомъ, шедшій на работу, и факинъ, тащившій на головѣ глину сосѣднему скульптору, и аббатъ въ

---

[1]) На ней художникъ испытывалъ общее и каждую фигуру отдѣльно, и потомъ уже, удовлетворяясь пробой, наносилъ на большой холстъ.

очкахъ, и хорошенькая натурщица, и капуцинъ съ толстымъ животомъ, и англичанинъ, и восьмидесятилѣтній Корнеліусъ (Овербекъ въ первые дни былъ боленъ), и всѣ нѣмцы,—потомъ архіереи, купцы, граждане, князья—все потянулось вереницей къ безлюдной нѣсколько лѣтъ студіи... Десять дней она наполнялась черезъ край, и на одинадцатый, когда толпа нашла ея двери запертыми, надо было согласиться открыть ихъ еще на день, чтобъ избѣжать неудовольствій...

Сужденія начали слагаться, дѣлиться на оттѣнки, судьи — на лагери, и уже можно было составить себѣ сводъ оцѣнки картины.

Чтобъ придержаться истины, надо сказать, что первоначальныя впечатлѣнія многихъ, особенно людей, взглянувшихъ мелькомъ на картину, не были ей благопріятны. Но тѣ же люди, вернувшись случайно, или вслѣдствіе спора, въ мастерскую, скоро мѣняли свое сужденіе и по большей части уже просиживали цѣлое утро передъ картиною. Конечно, были исключительные приверженцы извѣстныхъ школъ и направленій, которые старались остаться равнодушными, во что бы ни стало; нашлись съ перваго же дня враги (особенно между привыкшими къ успѣху нѣмцами—колористами), задѣтые за живое такимъ успѣхомъ не колоритнаго произведенія въ Римѣ. Римляне оцѣнили инстинктомъ ту внутреннюю мощь, которая сидѣла подъ неблистательными красками, и, неизбалованные колоритомъ на Рафаэлѣ, пропустили мимо эту слабую сторону картины. Воззрѣніе чисто католическое не могло, конечно, примириться съ такимъ жизненнымъ воспроизведеніемъ событія священной исторіи Спаситель міра отъ подгнившихъ, за старостью, учрежденій, несущій въ себѣ сѣмя новаго будущаго, Богъ духомъ и человѣкъ тѣломъ, завидѣнный издали Іоанномъ и готовый на подвигъ, чего бы онъ ни стоилъ, истощенный постомъ, весь негодованіе къ неправдѣ и весь любовь къ истинѣ, подвигается спокойнымъ и твердымъ шагомъ по горѣ... Онъ еще едва видѣнъ, его уста еще не заговорили, а уже все встрепенулось; люди давно его ждали. Что-то онъ скажетъ? На большомъ холстѣ онъ меньше всѣхъ занимаетъ мѣста. Отчегожъ мутятся глаза при одномъ взглядѣ на эту небольшую, далеко поставленную фигуру? Въ этомъ, по моему, главное значеніе всего мотива картины: съ горы уже вѣетъ новой жизнью; ея воплощенная идея подвигается особо отъ толпы, спокойная, строгая и ясная, какъ правда. Толпа привѣтствуетъ ее издали; сомнѣніе немногихъ только дѣлаетъ то, что толпа остается толпою, а не переходитъ въ идеалъ несуществующаго человѣческаго общества. Сразу ничему всѣ не повѣрятъ... Рутинерамъ не могло нравиться, что первое мѣсто и первый размѣръ фигуры принадлежитъ не главному виновнику картины, что онъ, напротивъ, удаленъ на задній планъ: воззрѣніе, отъ котораго Ивановъ отдѣлился бездной! Дикая красота восторженнаго крестителя, вдохновенно увлекающая толпу, и это смиреніе наглядное, какимъ

красуется идущій,—только поразительнѣе выдвигаютъ внутреннюю силу того, кому не достоинъ развязать ремень сапога его властительный предтеча.

Наши художники не избѣжали, въ свою очередь, распаденія на партіи: даровитѣйшіе изъ нихъ и наиболѣе развитые, фанатики Брюллова и его направленія, первые стали фанатиками Иванова и громко сознавались, что если первый талантливѣе второго, то второй, какъ школа, поучительнѣе. И точно, по Брюллову, учиться трудно: все, что имъ сдѣлано, не есть плодъ труда усидчиваго, добиравшагося, искавшаго,—но дѣло вдохновенія, которое загоралось вдругъ и потухало только съ послѣднимъ ударомъ кисти. Брюлловъ подходилъ совсѣмъ готовый къ полотну; онъ, какъ и Ивановъ, учился въ свое время тоже усидчиво и много, но не надъ большими картинами; онъ выучился сразу и уже потомъ всю жизнь не думалъ о пріемѣ: техника и форма всегда были у него на послугахъ, а содержаніе ему не представлялось въ тѣхъ размѣрахъ, какихъ стремился достигать Ивановъ. Вотъ почему у Брюллова позаимствоваться творчествомъ нельзя. За процессомъ же Ивановскаго творчества можно слѣдить, какъ за постепеннымъ ходомъ созрѣванія: поэтому-то отъ него и больше пользы для учащихся, чѣмъ отъ Брюллова.

Партію противную составили художники, которымъ, какъ основательно полагалъ Ивановъ, «трудно было получить золотую медаль». Они просто не понимали картины! Привыкшіе видѣть въ живописи только красивые мазки и условный колоритъ извѣстныхъ мастеровъ Петербурга, Мюнхена и Рима, они не видѣли въ новой картинѣ ничего, потому что не видѣли именно этого...

Общество русскихъ (а оно было многочисленно) болѣе прислушивалось къ отзывамъ художниковъ, или людей признанныхъ по разнымъ причинамъ за тонкихъ цѣнителей искусства. Отсюда и раздѣленіе общества на два лагеря, уже придаточные къ двумъ предыдущимъ.

Народъ, il popolo, говорилъ, выходя изъ студіи: «живые люди!» perbacco! proprio vivi! (чортъ возьми! просто живые!).

Начали заботиться за Иванова объ его судьбѣ и о судьбѣ его картины: звали его въ Петербургъ, сулили ему большія деньги, выходъ изъ стѣсненій цѣлой жизни, обѣщали славу на родинѣ... Бѣдный Ивановъ! Онъ слушалъ, понуривъ голову, но и слышать не хотѣлъ о поѣздкѣ въ Россію: у него одна поѣздка была на умѣ,—поѣздка, о которой онъ мечталъ двадцать лѣтъ, какъ юноша мечтаетъ о свиданіи съ недостижимой красавицей—его неосуществимый сонъ—поѣздка въ Палестину, и, слушая золотыя обѣщанія, онъ, можетъ быть, думалъ: настаетъ время осуществленія!..

Ѣхать въ Петербургъ онъ какъ-то суевѣрно боялся: ему, казалось, съ этимъ кончится его художническая жизнь. Казалось ли

ему, что и вся она съ этимъ кончится? Но настоянія были такія вліятельныя, онъ такъ всего боялся, даже и того, что совсѣмъ не было вліятельно, — и вотъ онъ мало-по-малу начиналъ склоняться; онъ рѣшался отослать картину безъ себя, а самъ, надѣясь получить хоть часть ея цѣны, думалъ отправиться въ Берлинъ, посовѣтоваться о своихъ больныхъ глазахъ съ врачами, полѣчиться, и потомъ ѣхать въ Палестину. Ему представили необходимость оцѣнки картины академическимъ совѣтомъ, въ Петербургѣ. Оцѣнки онъ не боялся, но боялся петербургской оцѣнки — и на этотъ разъ боялся основательно.

— Пусть соберутъ совѣтъ изъ лучшихъ художниковъ разныхъ націй, какіе есть въ Римѣ,—говорилъ Ивановъ,—я согласенъ и на это, только бы не ѣхать въ Петербургъ...

Было отказано!

Многіе совѣтовали Иванову ѣхать съ картиною въ Парижъ и Лондонъ—показывать ее за деньги. Душа такого жреца искусства, какъ онъ, возмущалась при одномъ помышленіи о томъ, что можно торговать публично трудомъ своей одинокой жизни, который былъ его святыней.

— Пусть купятъ картину и сами везутъ, куда хотятъ,—говорилъ онъ,—это другое дѣло: тогда она ужъ не моя; пока она считается моею, я никуда ее не повезу-съ.

Такимъ и остался Ивановъ въ моемъ воспоминаніи: твердымъ въ своей слабости (если можно такъ выразиться), суевѣрнымъ въ отношеніи къ Петербургу. Рѣшимость ѣхать туда посѣтила его уже безъ меня, и я узналъ о томъ черезъ годъ, въ Тосканѣ. А два года спустя, мнѣ суждено было увидѣть честимую и дорогую на чужбинѣ картину, скупо оцѣненную дома, осиротѣлую, лишившуюся семьи своихъ эскизовъ и этюдовъ, въ глубинѣ узкой и неудобной, холодной залы петербургской академіи, подъ освѣщеніемъ февральской мглы. А на кладбищѣ сторожъ указалъ на сугробъ снѣга и прибавилъ:

— Это, должно и есть самый этотъ Ивановъ.

Но возвратимся къ живому Иванову, собирающемуся ѣхать изъ Рима лѣчиться у нѣмцевъ отъ больныхъ глазъ.

Въ началѣ мая, вечеромъ, онъ забѣжалъ (буквально) ко мнѣ проститься, весь сѣрый съ ногъ до головы, озабоченный и остриженный: онъ отправлялся въ Берлинъ. Уже за мѣсяцъ онъ толковалъ объ этомъ со всѣми и разспрашивалъ каждаго о дорогѣ, по которой лучше ѣхать, о докторахъ съ которыми лучше совѣтоваться, и, переслушавъ всѣхъ съ равнымъ вниманіемъ, никого не послушался, поѣхалъ по-своему и видѣлся съ докторами, какихъ самъ выбралъ. Вывѣдывать мнѣнія было его слабостью, и онъ всѣ ихъ принималъ къ свѣдѣнію, но никогда не къ исполненію.

— До Петербурга?—спрашивалъ я его, прощаясь.

— Какъ это возможно-съ помилуйте!

Онъ еще не допускалъ тогда подобнаго самоубійства.

— Стало быть, навсегда?—сказалъ я.

Однакожъ намъ удалось еще встрѣтиться и тѣмъ же лѣтомъ.

Въ одномъ изъ лучшихъ уголковъ Швейцаріи, въ Интерлакенѣ, я былъ однажды вызванъ изъ-за завтрака къ спрашивавшему меня русскому путешественнику. Выхожу: Ивановъ, все такой же сѣрый съ ногъ до головы, но пополнѣвшій и живой, кидается ко мнѣ, гораздо рѣшительнѣе прежняго, съ открытыми объятіями.

— Александръ Андреичъ!—какими судьбами?—откуда?

— Изъ Берлина-съ, пить сыворотку... А какого вы мнѣнія о сывороткѣ?

— Такого, что она способна доставлять самыя пріятныя неожиданности, какъ, напримѣръ, васъ видѣть...

Ивановъ разсмѣялся.

— Это ужъ, выходитъ, комплименты-съ!

— Взяли ли вы комнату?

Оказалось, что онъ взялъ, но въ другомъ трактирѣ. Я принялся его уговаривать перебраться, и онъ, къ совершенному моему удивленію, тотчасъ согласился. Старая плѣсень затворничества съ него видимо свалилась; онъ даже глазами глядѣлъ уже менѣе внизъ и очень радовался, что доктора не нашли въ нихъ органическаго поврежденія. Мѣсяцъ, проведенный въ Интерлакенѣ съ утра до ночи подъ орѣшниками, сильное движеніе, сыворотка, да къ тому же беззаботность жизни, разговоры на распашку и смѣхъ въ дружномъ кружкѣ русскихъ, надежды, бодрившія старика въ скоромъ будущемъ — все сдѣлало изъ него неузнаваемаго человѣка. Что еще дѣтски радовало художническую душу этого наивнаго человѣка, мало пріученнаго къ популярности, это подаренный мной ему отдѣльный оттискъ моей статьи изъ Рима объ его картинѣ и № бельгійскаго «Nord», гдѣ статья появилась во французскомъ переводѣ. Онъ не разлучался съ ними, постоянно носилъ ихъ въ боковомъ карманѣ сюртука, то и дѣло перечитывалъ и совсѣмъ протеръ на сгибахъ. Почти никогда нежившій — сперва ученикъ, а послѣ труженикъ — Ивановъ точно начиналъ только теперь жить. И что̀ за институтскія были его воззрѣнія и на людей, и на общество! Петербургъ, и смолоду ему мало знакомый, представлялся его воображенію какъ-то особенно превратно; о людяхъ и дѣятеляхъ на разныхъ поприщахъ онъ составлялъ себѣ вовсе несбыточныя понятія: исполнялся неодолимаго страха къ тѣмъ изъ нихъ, которые были совершенно безопасны, и видѣлъ силу тамъ, гдѣ была только слабость.

Ясно было ужъ отсюда, что попади только Ивановъ въ этотъ жёрновъ, онъ выйдетъ изъ-подъ него пылью.

Монахъ въ жизни, онъ причастился ея только теперь и насла-

ждался каждымъ глоткомъ ея. Откровенный разговоръ, острая выходка, споръ съ заносчивостью и увлеченіемъ, даже сказанная кѣмъ-либо глупость,—все ему звучало ново, почти назидательно, и онъ, когда всѣ умолкали, удалялся подъ густое дерево и что-то записывалъ мелко и часто въ крошечной книженкѣ, которую всегда носилъ въ карманѣ.

— Весьма много любопытнаго почерпнулъ сегодня, — говорилъ онъ потомъ вечеромъ и покачивалъ съ довольствомъ головой.

Придетъ ли хоръ альпійскихъ трубачей, или дѣвушки съ Бріенскаго озера затянутъ свои пѣсни съ завываніемъ, онъ ко всему прислушивается: приложитъ за ухо ладонь и стоитъ около, покуда тѣ не уймутся.

— Нравится вамъ, Александръ Андреичъ?—спрашивали его.

— Чрезвычайно любопытно; весьма многое можно почерпнуть!— отвѣчалъ онъ и задумывался.

Самая осторожность его въ высказываніи собственнаго мнѣнія уступала напору общей откровенности, и часто, увлеченный горячимъ споромъ, онъ невольно высказывался...

Такимъ образомъ, удавалось вызывать его на отзывъ о томъ или другомъ изъ знаменитыхъ художниковъ той или другой школы живописи и ваянія.

Старымъ художникамъ онъ придавалъ большое, не безсознательное, но историческое значеніе, и въ этомъ случаѣ Чемабуа и и Джіотто по праву имѣли его уваженіе. Въ Жамъ-Белино онъ восхищался наивностью колорита, но особенно цѣнилъ Леонардо-да-Винчи, и даже ѣздилъ нарочно въ какой-то нѣмецкій городокъ, гдѣ были два его рисунка. Рафаэля онъ превозносилъ за чистоту стиля, прелесть рисунка и проч. «Это школа»,—говорилъ онъ обыкновенно. Въ Микель-Анджело Буонаротти онъ видѣлъ, прежде всего, творца купола св. Петра, и, сдѣлай Буонаротти только куполъ (прибавлялъ Ивановъ), великое имя его было бы еще больше. О статуяхъ, кромѣ миѳологическихъ, и картинахъ его онъ избѣгалъ говорить. Но однажды, пойманный врасплохъ, высказался о нѣкоторыхъ изъ нихъ, и чрезвычайно самобытно.

— Что вы думаете о святомъ семействѣ Буонаротти, во Флоренціи, въ трибунѣ? — спросилъ я его, когда онъ никакъ не могъ ожидать этого вопроса.

— Ахъ, какая скука-съ!

— А его Моисей?

— Тоже прескучная статуя-съ!

Онъ даже зѣвнулъ, сказавши это.

Способность самобытно выражаться была врожденная у Иванова.

— Какъ вы нашли такихъ-то?—спросили его про одно русское семейство, гдѣ затѣвались въ назначенные вечера болѣе наивныя, чѣмъ остроумныя забавы.

— Одинъ разъ побывать весьма любопытно, — отвѣчалъ Ивановъ.

Показываютъ ему портретъ, работы моднаго художника. Онъ долго смотритъ и говоритъ:—«Правдоподобія-съ мало!»

О современной живописи и современныхъ художникахъ Ивановъ говорилъ довольно охотно. Высоко въ ряду мастеровъ послѣдняго времени онъ ставилъ Брюллова.

— Брюлловъ произвелъ революцію-съ! — говаривалъ онъ.

За Брюлловымъ слѣдовалъ Поль-де-Ларошъ.

Ко всѣмъ родамъ живописи, кромѣ строго-исторической, Ивановъ питалъ болѣе чѣмъ равнодушіе: онъ считалъ ихъ вредными, говоря, что они превращаютъ искусство въ одну пустую забаву глазъ, и не даютъ художнику развиться въ историческаго, единственно истиннаго, по его мнѣнію, художника... Особенно враждовалъ онъ противъ сценъ изъ вседневной жизни (жанра), которыя зналъ болѣе по фламандскимъ рабскимъ копіямъ съ натуры, лишеннымъ всякаго содержанія.

— Вы не видѣли сценъ Ѳедотова!—говорилъ я ему,—а то вы судили бы не такъ: Ѳедотовъ—это Гоголь въ краскахъ.

Я до того договорился о Ѳедотовѣ, что, упоминая о жанристахъ онъ ужъ всегда дѣлалъ оговорку: «кромѣ Ѳедотова-съ».

Но что̀ вызывало у Иванова горькіе потоки рѣчей, такъ это то византійское направленіе, къ которому ведутъ архитектуру и живопись въ Россіи. Ивановъ выкладывалъ по этому поводу безцѣнные запасы данныхъ, разбивавшихъ на-голову его противниковъ, и всякій разъ оканчивалъ тѣмъ, что «вы извольте доказывать работами съ вашей стороны, а мы будемъ работать съ своей»...

Никакъ, однакожъ, Иванову не удалось привыкнуть къ своему кругу до того, чтобы рѣшительные отзывы не озадачивали его.

Я не забуду никогда Иванова, какъ, на вопросъ его объ одномъ общемъ знакомомъ: «что̀ онъ за человѣкъ»? ему отвѣтили — дуракъ.

— Ахъ, какъ это рѣшительно!—воскликнулъ Ивановъ, и даже подскочилъ на стулѣ, — чрезвычайно-съ рѣшительно! — повторялъ онъ, покачивая головой.

Все шло какъ нельзя лучше, покуда совершенно непредвидѣнное обстоятельство не возмутило его спокойствіе духа.

Въ одну изъ вечернихъ прогулокъ, онъ отсталъ отъ нашего общества и долго не показывался на дорогѣ. Я вернулся, и нашелъ его блѣднаго, встревоженнаго, прислонившагося спиною къ большому камню. За обѣдомъ онъ много ѣлъ земляники, простокваши, въ перемежку со всякой всячиной.

— Что̀ съ вами, Александръ Андреичъ? — спрашиваю, — вамъ нездоровится?

— О, ничего-съ особеннаго — старый знакомый-съ.— отвѣчаетъ онъ какъ-то иронически.

— Какой старый знакомый?

— Ядъ-съ... Оттого и тошнота и все, что слѣдуетъ-съ... Я къ этому привыкъ-съ — старый знакомый!

Сперва намёкомъ, а потомъ ужъ и совсѣмъ опредѣленно и подробно, онъ разсказалъ, какъ его, десять лѣтъ сряду, отравляютъ. Въ словахъ и въ голосѣ звучала самая твердая увѣренность въ этомъ.

— Да какая же польза и кому васъ отравлять?—рѣшился я спросить поласковѣй, чтобъ не показать, что онъ бредитъ. — Можетъ быть, вы обременили желудокъ?

— Десять лѣтъ-съ! десять лѣтъ подрядъ-съ, — твердилъ онъ мрачно.— Я полагалъ, съ Римомъ это кончится, — только нѣтъ-съ, ошибся: и здѣсь доискались...

— Кто̀жъ это доискивается? и за что отравляютъ васъ, дорогой Александръ Андреичъ?

— Многіе мнѣ желаютъ зла, весьма многіе-съ: Корнеліусъ, Оверберкъ-съ... очень много ихъ, очень-съ...

— Ну, положимъ; но вѣдь то въ Римѣ; а здѣсь васъ вѣдь не знаютъ.

— Телеграфъ-съ. На что же телеграфъ? Черезъ него все узнаютъ-съ... Никуда не убѣжишь.

— Такъ на кого же вы, наконецъ, думаете: на меня, на другого, на третьяго?

— На васъ я не думаю-съ. Но трактирщикъ... О, это преопасный человѣкъ! И блюда подаетъ самъ-съ за столомъ... Нѣтъ-съ, мнѣ ужъ видно не жить...

— Хотите мѣняться кушаньями за столомъ? Меня вѣдь не отравляютъ,—въ этомъ вы можете быть увѣрены.

— Къ чему же, помилуйте-съ!

Однако, съ этихъ поръ, я ему постоянно передавалъ то тарелку, то чашку, соль, хлѣбъ, сахаръ, и онъ поспѣшно бралъ, повторяя:— Помилуйте! къ чему же это-съ?

Мнительность Иванова пошла рости. Онъ собрался и уѣхалъ въ Лондонъ — спросить Герцена: какъ тотъ смотритъ на евангельскіе сюжеты («весьма важно-съ мнѣніе Александра Ивановича!»). Герценъ его нѣсколько ободрилъ. Въ Остъ-Энде я его встрѣтилъ уже менѣе похожаго на римскаго; но въ Парижѣ онъ опять ходилъ дикимъ и, между прочимъ, былъ глубоко обиженъ, что сторожъ въ Jardin des plantes не повѣрилъ его званію художника, даже по предъявленіи ему всемогущихъ лоскутковъ «Nord», и не позволилъ срисовать верблюда.

— Вы это сдѣлаете въ Пизѣ, — успокоилъ я его, — тамъ ихъ сколько хотите въ каминахъ.

— Вы это точно знаете-съ?

— Точно. На нихъ тамъ развозятъ сѣно.

Онъ вынулъ свою микроскопическую книжечку и микроскопическими буквами записалъ: «верблюды въ Пизѣ», покачивая головою и твердя: «Весьма важное свѣдѣніе! весьма-съ!»

Напоминаніе объ Италіи его оживило. Она уже начинала его звать къ себѣ, какъ мать; о ней онъ вспоминалъ и въ Швейцаріи, и холодно смотрѣлъ на дерзкія громады Альповъ, казавшіяся ему грубыми послѣ изнѣженныхъ итальянскихъ линій горъ...

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Иванова осенью, въ Парижѣ. Онъ былъ въ большихъ суетахъ: накупилъ себѣ двѣнадцать манкеновъ и подбиралъ къ нимъ драпировки, никакъ не находя матерій, потому что искалъ старинныхъ, а въ Парижѣ въ августѣ іюньская матерія уже старинная, и ея не сыщешь. Моя жена взялась отыскать ему что надо, и онъ пришелъ въ совершенный восторгъ отъ глубины ея познаній по этой части.

— Весьма затруднительную задачу рѣшила ваша супруга, очень затруднительную-съ...

Манкены не выходили у него изъ головы.

— Это будутъ двѣнадцать апостоловъ, — говорилъ Ивановъ, и глаза его блестѣли дѣтской радостью, — я ихъ буду ставить въ группы. Съѣзжу-съ въ Палестину и исполню всю жизнь Христа въ эскизахъ... Раздѣлю ихъ надвое—ученье и миѳологія-съ. У меня давно все подготовлено. Только бы скорѣе получить деньги за картину...

— Гдѣ-то теперь увидимся? — спросилъ я его, провожая на улицу.

— Только не въ Петербургѣ-съ!—отвѣчалъ онъ весело.

И точно, мы не увидѣлись въ Петербургѣ!

П. Ковалевскій.